

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
СНИХОЖДЕНИЕ
ТОМ 1

Андрей Александрович Васильев
Файролл. Снисхождение. Том 1
Серия «Файролл», книга 11

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Та цель, которую поставили перед журналистом Харитоном Никифоровым, известном в игре «Файролл» под именем Хейгена из Тронье, становится все ближе и ближе, но и препятствия, отделяющие его от нее, тоже становятся все сложнее и сложнее. Горные кручи, гиблые места и враги всех мастей – это то, с чем он сталкивается почти непрестанно. И если бы не собственная смекалка и несколько друзей – быть бы ему вы проигрыше. А так – еще поглядим, кто окажется победителем.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	28
Глава третья	51
Глава четвертая	79
Глава пятая	105
Глава шестая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Андрей Васильев

Файролл.

Снисхождение. Том 1

Глава первая

в которой звучат упреки

– Нельзя же так, – Азов укоризненно посмотрел на меня. – Если появилось ощущение, что где-то что-то не так – надо реагировать.

– Я с этим ощущением последние лет пятнадцать живу, – вяло защищался я, щелкая зажигалкой. – Это для меня привычное и родное чувство. У меня всегда где-то что-то не так. Вот, например – зажигалка не работает. Чиркать – чиркает, искру сыплет, а огня нету.

– Не передергивай, – мне погрозили пальцем, мне дали понять, что я не прав, и поднесли огня. – Я про самочувствие. А если бы «скорая» не успела? А если бы дежурный врач был пьян?

– Так он и был пьян, – сообщил Азову я, с наслаждением затягиваясь сигаретой. – Мне Шелестова рассказывала. При этом даже в таком состоянии он все сделал так, как надо. Нет,

какие у нас на Руси люди талантливые есть! Если ей верить, то этот эскулап все мои кишки в таз вывалил, перед тем от туда что-то выплеснув, вроде как сгущенку с вареньем. Он до того, как меня привезли, в это дело батон нарезной макал и его, стало быть, кушал. Ужинал, стало быть. Так вот – промыл он требуху мою, обратно в живот мне её засунул и цыганской иглой все это дело зашил.

– Врет, – заверил меня Азов. – Кого ты слушаешь? Нет, в дремучие времена так и поступали, но сейчас, при нынешнем состоянии медицины даже в провинции... Врет. Но ты всё равно ей спасибо скажи. Пока все орали, махали руками и хлопали глазами, она хоть что-то делала. Если быть более точным – охрану позвала, а те уже тебя подхватили и сюда привезли.

Ну, в принципе, да – так все и было, правда, сам я этого не помнил совершенно. После третьего приступа боли меня так скрутило, что я сознание потерял, потому все происходящее знал только из устных рассказов очевидцев.

Наиболее толковым оказался рассказ Жилина, он был лишен эмоциональных воплей Вики: «А-а-а-а-а! А-а-а-а-а-а! Я думала, что уже все! А-а-а-а-а-а!», флегматичности Петровича: «Надо же, ты все-таки не помер» и парадоксальности Шелестовой: «На руках своих, вот этих вот, пять километров вас тащила по шоссе, пока попутную полуторку не поймала. Каблуки – сломала, два ногтя – сломала. Неужели мне за все это не полагается три оплачиваемых выходных

дня?».

Так вот – судя по тому, что мне рассказал Сергей, все было не так уж и жутко, хотя и наводило на те мысли, которые он сразу же высказал вслух.

Я повалился на снег, сипя и выкатывая глаза, причем еще и с пеной на губах. Он, понятное дело, подумал, что это яд. Нет, не посмотри он накануне полсезона сериала про Борджиа, может, оно бы и обошлось. Но тут одно наложилось на другое, и Жилин заорал:

– Яд! Это яд! «Скорую»! И воды, ему надо воды!

Собственно, это было последним, что я помнил, после этого мне совсем заглохло и мое сознание милосердно отключилось. Азов был прав – не обратил я внимания на признаки того, что все неладно, а точнее на то, что у меня живот с завидной периодичностью и увеличивающейся интенсивностью побаливал в последние дни.

А события развивались дальше.

Увидев, что меня выгнуло дугой, а после я и вовсе затих, Вика впала в панику, совмещенную с истерикой. Она начала бить меня по лицу и орать что-то вроде:

– Не имеешь права! Как ты можешь так со мной поступать!

Остальные члены редакции тоже были в шоке, но никто ничего не делал. И совсем уж оторопели подружки Шелестовой, ранее упомянутые ей Лера Волкова и Наташка, дамы симпатичные, раскованные и незамужние. Они ждали весе-

лья, танцев и флирта разной степени тяжести, а вместо этого получили человека, который валяется на снегу и вроде как помирает.

Кстати – вот чьи голоса я слышал перед тем, как отключиться. Я, помню, еще удивился – кто это?

Вот и вышло, что реально среагировали только двое – Серега, который пару раз мощно мне пробил в грудную клетку, чтобы завести сердце, которое и без него не думало останавливаться, и Шелестова, которая своевременно побежала за охраной.

Охранники тоже не поняли в чем дело, подумали, как и Жилин, что это яд, подхватили меня на руки и отвезли в ближайшую больницу, где дежурный хирург, осмотрев меня, сказал им:

– Какой в п...у яд? Перитонит у него. Сдается мне, из-за перфорации аппендикса или дивертикула, но это вскрытие покажет. А ну, валите все в коридор. Лена, операционную готовь. Может, повезет ему еще, может, не потеряно время.

Время оказалось не потеряно, и я выжил, при этом даже не натерпевшись страха, поскольку из обморока я плавно перешел в анестетический сон, и в результате осознал себя в этом мире только к вечеру следующего дня.

Нет, был еще всплеск сознания, в котором кто-то спрашивал меня: «Слышишь? Слышишь? Сколько пальцев?», и я ему даже что-то отвечал, но уверенности в том, что это случилось на самом деле, у меня не было.

Пробуждение оказалось очень неприятным. Болело все, а особенно низ живота, глаза смотрели в белый потолок, хотелось пить, кружилась голова, да еще и рядом кто-то то ли храпел, то ли хрипел, причем, судя по всему, не во сне, а покидая этот мир.

И рядом никого, кто бы объяснил – что вообще происходит?

– Люди, – просипел я. – Человеки. Есть тут кто?

– Есть, – подтвердил грудной женский голос, и в поле моего зрения показалось лицо немолодой, но очень миловидной женщины, одетой в белый халат. – Очнулся?

– Видимо, – с сомнением ответил я. – Пить хочу. А где я?

– В больнице, – сообщила мне женщина. – В реанимации. Пить сейчас дам, только немного, а то тебя стошнить может.

– Стошнить меня и без воды может, – заверил ее я. – Очень меня штормит.

– Лучше не надо, – попросила меня женщина.

– Как пойдет, – не стал ее обнадеживать я, и с наслаждением глотнул теплой воды из носика чайничка-поилки, который она уже поднесла к моему рту.

Напившись, я облегченно вздохнул – одной проблемой стало меньше.

– А это кто там так жутко хрипит? – решил для начала узнать я.

– Иванко отходит, – без особого сожаления сказала женщина. – Бомж местный, можно сказать – достопримечатель-

ность. Надоел всем – сил нет, прости господи, ведь в каждой бочке затычка. И ведь что примечательно – и на этот раз выкарабкается, у него ведь как у кошки, девять жизней. Какую дрянь только не лакает – и все ему ничего. В худшем случае сюда попадает, пару дней несет всякий бред, а после снова на волю, политуру пить. Но в этот раз переборщил, – стеклоомыватель – это не шутки.

– Ыга, – сообщил Иванко, видимо, услышав свое имя. – Ыга! Бу-бу!

– Вот и весь его словарный запас, – констатировала женщина. – Раньше-то он поговорливей был, много всякой чуши нес, но в последнее время он совсем отупел. Да уgomонись ты, халамидник!

Бомж Иванко хрюкнул, шумно, с присвистом, испортил воздух и снова то ли захрипел, то ли захрапел.

– Эва как. – Я загрустил, предвидя веселую ночь в соседстве с бомжом Иванко, несущим всякий бред. – А никак нельзя сделать так, чтобы или его куда-то увезли, или меня? Я человек широких взглядов, но бомж – это перебор. У него, наверное, и вши есть.

– А куда? – развела руками женщина. – Врач сказал – в реанимацию, значит – в реанимацию. Терпи. Я же терплю.

И мне пришлось всю ночь терпеть бомжа Иванко, который и в самом деле то нес какой-то бессвязный бред, то начинал петь песни, то шумно и затейливо пускал злого духа. И, скажу честно, когда он к рассвету наконец затих, я даже

испытал чувство радости – так он меня достал. Это не похристиански, но, с другой стороны – помести в такие условия служителя церкви, и кто знает, что у него со смирением будет. К тому же еще неизвестно – помер неугомонный бомжара или нет? Впрочем – наплевать мне на него, главное – тишина настала. А к его воня я вроде как уже и привыхался.

Утро вышло повеселее, чем ночь. Для начала появился главврач больницы, который был со мной очень любезен, Попутно он возмутился тем, что Иванко, таки оказавшийся живым, до сих пор тут, а не отправлен пинком за порог больницы, и под конец велел перевести меня в отдельную палату, где я с чувством глубокой радости узрел Азова, держащего в руках авоську с апельсинами.

– Раритет, – сообщил он мне, показывая плетеное изделие советской промышленности. – Давно валялась дома, все не знал, куда девать. И вот – пригодилась.

– Ему пока нельзя апельсины, – предупредил его главврач. – И твердую пищу в целом. Только каши, бульоны... и соки. Да и то – не все.

– Это понятно, – понятливо покивал Азов. – Спасибо, доктор. Когда мы его сможем отсюда забрать в Москву?

– Через неделю, – поспешно ответил доктор. – Или даже того позже. Это же перитонит, это же не шутки! А если швы разойдутся? А если нагноение?

Я икнул – мне такие перспективы были не по душе. Не надо мне нагноения.

– Не пугайте молодого человека, – попросил главврача Азов. – Я вас понял, мы подумаем. В любом случае, ваше учреждение окажется не в накладе.

– Муниципальная медицина бесплатна, – сообщил главврач, снял с носа очки в золоченой оправе и протер их. – Хотя бюджет на здравоохранение у нас невелик, увы.

– Увы, – поддержал его Азов. – Я потом к вам зайду, мы обсудим и этот вопрос, и кое-какие другие.

– Жду. – Главврач понятиливо кивнул, строго глянул на меня и приказал:

– По возможности не вставать и даже не вертеться, понятно?

– А в уборную? – озадачился я. – Мне надо.

Ночью в меня влили пару пузырьков глюкозы внутривенно, и сейчас живительная жидкость настойчиво просилась на волю. Глюкоза – не пиво, она действует более агрессивно.

– Утка, – порадовал меня врач. – Чем плохо?

– Всем плохо, – прокряхтел я, ворочаясь и силясь встать. – Я в утку не буду. Я стесняюсь. Уж лучше у унитаза сдохну.

– Мужик, – с гордостью сказал Азов, помогая мне встать и останавливая доктора. – Имеет право. Я сам такой же. Тем более что туалет – вон он.

Это да. Платная палата была со своим отхожим местом – в этом мне повезло. До общего я мог и не доковылять, слабость была просто невозможная. Пока лежишь – вроде ничего, а как встанешь – так беда. И больно, опять же.

Главврач только головой покачал, да и пошел к себе – ждать Азова, готовить тезисы о жадности районных властей и тяготах бюджетной жизни. И правильно – шанс, он выпадает только раз, надо им пользоваться. Были бы деньги – я бы и от себя подкинул, как-никак эти люди в белых халатах мне жизнь спасли. Но у меня сейчас из имущества только исподнее да авоська с апельсинами.

Азов, сопроводив меня, счастливого и облегченного после туалета, до койки, ушел к главврачу, пообещав скоро вернуться, чтобы поговорить детально. И как только он скрылся за дверью, в нее ввалились мои соратники, в полном составе, да еще и с благообразной старушкой, которая махала руками и кричала:

– Да куда вы все! Нельзя же всей толпой-то!

– Нам можно, мамаша, – отбивался от нее Стройников. – Можно нам. Мы родные и близкие поко... Выздоровливающего!

– Ну вот, – с гордостью показала на меня Шелестова пальцем. – А вы все – помрет, помрет. Заметьте, шеф, я одна не причитала и не скидывалась на венок.

– Подойдите ко мне, дети мои, – слабым голосом сообщил им я, выпростав одну руку из-под одеяла и изобразив на лице что-то вроде «Он уже не с нами». – Темно в глазах... Все здесь? А где мой верный друг, где Петрович, где это светило современной графики?

– Вон, у окна апельсин чистит, сейчас жрать его будет, –

пискнула Таша. – Проглот строгановский. Дай мне дольку!

Петрович имел глупость сообщить коллегам, что некогда проучился пару лет в Строгановском училище, с тех пор прохода они ему не давали. «Петров-Водкин» и «Сидоров-Селедкин» были еще не самые ходовые шутки. Петровичу, впрочем, от этого было не жарко и не холодно.

– Послушай, Петро... – я уже в голове сложил текст и образ, в котором хотел выступить, перестраиваться было трудно – остатки наркоза еще туманили мозги. – Эmmm... Послушай... Да прекратите вы шнырять по палате, имейте уважение к умирающему!

– Дурак, – меня слегка ударила по щеке ладошка Вики, которая уже пристроилась на краю кровати. – Слово – материально. Я и так чуть с ума не сошла от страха.

– Это да, – подтвердила Шелестова без тени иронии. – Вообще не спала, металась по дому, как шаровая молния. Коньяку выпила полбутылки без закуски – и ни в одном глазу.

Это меня тронуло. Я уже заметил красные от недосыпа глаза Вики и морщинки на лбу, которые появлялись у нее в минуты тяжких раздумий и переживаний.

– Нормальная палата, – заметил Самошников, обревизировав помещение. – Сортир отдельный, смотри-ка. Я вот три года назад ногу сломал – так нас в палате восемь тел лежало. Дело по зиме было, так утром в ней топор можно было вешать – такой был духан.

– А кормят как? – деловито спросила Соловьева. – Может,

чего приготовить надо? Я привезу, не вопрос.

– Прогиб засчитан. – Елена пощелкала пальцами у носа Мариэтты. – Эй, тут есть кому харчи возить.

– На себя намекаешь? – окрысилась та немедленно.

– Кстати – как вариант. – Шелестова пожала плечами. – Мне сюда езды – двадцать минут. Но вообще я о Виктории Евгеньевне говорила. Если ты не забыла, то она нашему шефу не чужой человек.

– Если невтерпех кого-то покормить – корми меня, – предложил Стройников. – Почему нет? Я как с подругой расстался, так на быстрорастворимую лапшу сел и на пиццы. Вкусно, но для желудка вредно. А готовить мне лень. Слу-у-ушай, а ты борщ варить умеешь?

Вот такой у нас коллектив. Только, непонятно отчего, в горле вдруг комок появился. Ну да, шутки шутят и все такое – только вот они давно должны были в Москву уехать, а вместо этого тут ошиваются. И глаза вон, у всех серьезные.

– Лен, прости, что я тебе праздник испортил, – сказал я Шелестовой. – Я не нарочно.

– Да бросьте, шеф. – Елена оперлась руками о подоконник. – К тому же я предпочитаю другую формулировку. Вы его не испортили, вы сделали его незабываемым. Сколько бы их еще не было, этот мне из памяти точно не стереть.

– Мне тоже, – поддержала ее Соловьева. – Вы как упали, как вас скрючило! Жуть!

Вот тут я и услышал историю о том, как я на снегу кор-

чился, и что дальше было. Я по одному останавливал рассказчиков, пока не добрался до версии Жилина, которая все окончательно расставила по местам. И до того момента, как меня повезли в больницу, и после.

– Нас в дом так и не пустили, – сказал он деловито. – Ваша охрана. Они сказали, что до прибытия Азова все должны оставаться на своих местах, где были, ничего не трогать и никому не звонить.

– Лерка Волкова обиделась жутко, – заметила Шелестова. – Она не рассчитывала два часа на морозе в «лабутах» торчать. Даже из всех своих социальных сетей меня после этого поудаляла. Ее можно понять – хотела пообщаться с модными журналистами, а вместо этого сначала мерзнуть пришлось, а потом и вообще ужас начался. Зато я уговорила охранцов дать нам поесть шашлыков, так что праздник не совсем пропал. Все равно они уже готовы были.

– Отличные были шашлыки. – Петрович даже глаза прикрыл, вспоминая. – Жаль, что тебя заколдырило не после этого, а до, тебе бы понравилось.

– Все вино виновато, – пискнула Таша. – На голодный желудок, да со специями. Вот обострение и произошло.

– Потом приехал Азов, – не обращая на неё внимания, сказала Вика, беря мою руку в свою. – Завел всех в дом и давай по одному опрашивать. Я-то думала он к тебе поедет сразу, хотела ему на хвост упасть, – но не тут-то было. Драконил всех по очереди, по одному в комнату водил. Меня,

правда, не стал терзать, наоборот – к тебе отправил с ребятами. Причем мне до сих пор непонятно – зачем он это делал, если в тот момент уже было известно, что это не яд, а перитонит?

– Раз делал – значит так надо, – веско произнес Жилин. – Он начальство, ему виднее.

– Харитон Юрьевич, когда вас выпишут-то? – подала голос Ксюша.

– Не знаю, – вздохнул я. – Надеюсь – скоро.

– Это если рецидивов не будет, – со знанием дела произнес Самошников. – Тьфу-тьфу-тьфу.

– Какие рецидивы? – взбеленилась Вика. – У него что, ангина, что ли, была? Не язык у тебя, а помело. Шиш тебе, а не премия в этом месяце!

– Чего я сказал-то такого? – испугался Димка. – Чего?

– Ладно, – решил я прекратить шум и гам. – Тихо, я сказал! Стало быть, так. Я тут еще полежу, видимо, несколько дней, но это не повод пинать балду. Новый выпуск «Вестника» должен выйти в свет как положено, поэтому собирайтесь и валите в Москву. Вик, напишешь заметку от главреда, ну, и дальше по ситуации. Шелестова, на тебе новости и все прочее. Вику не дергай лишний раз.

– Не поняла? – Вика встрепенулась. – Вообще-то я тут собираюсь остаться.

– На предмет? – даже опешил я. – А кто будет работу редакции координировать?

– Ленка, – показала Вика на крайне удивленную этими словами Шелестову. – У нее получится.

– А чем я хуже? – обиделся Стройников. – Я тоже могу.

– Что? – одновременно повернулись к нему Шелестова и Вика. – Что ты можешь?

– Не могу, – немедленно перестроился Геннадий. – Ничего не могу.

– Всем – тихо, – скомандовал я. – Вика, мне тут лежать всего три дня, я не смертельно больной, так что валите в столицу нашей Родины. Хоть выплусь в тишине. Лен, тогда Вике во всем помогай, хорошо?

Вика хотя и проявила чудеса дипломатии, но последнюю фразу не одобрила. Внешне это было незаметно, но я-то ее знаю.

– Будет сделано, – козырнула Шелестова. – А что до материалов – давайте я вам на почту все скину. У меня внизу, в машине, нетбук лежит, я пулей метнусь, принесу. Только, чур фотки из папки «Хо-хо» не смотреть, ладно?

– А сеть? – усмехнулся я. – Это не Москва, тут «вайфая» нет. Да и врач вряд ли одобрит. Не суть, на самом деле, я так думаю, что через пару дней меня в столицу оттранспортируют, тогда продолжим этот разговор. Но нетбук ты носи. Как там папка называется?

– Добить тебя, что ли? – задумчиво произнесла Вика. – Труда немного, и в суде потом оправдают – мол, аффект, общая слабость покойного...

– Эй-эй, – мне ее слова не понравились. – Не забывай о расходах на транспортировку тела, а они будут немалые.

– Короче, Шелестова, никакого нетбука, – отчеканила Вика. – Пусть лежит и скучает.

– И думает о вас, – подхалимским тоном поддержала ее Шелестова и сделала некое змееподобное движение за Викиной спиной.

– Как вариант, – благосклонно согласилась Вика. – А то ишь ты, оживился. Сначала нетбук, потом... Как ты там говорил, Стройников? Рецидив? Вот я на тебя рыкнула – а зря, может, ты и прав.

– Один дурак сказал – и понеслась, – пробормотал я. – Вот вернусь домой на следующей неделе...

– Все верно, – слышался голос Азова. – Так и будет, угадал. Во вторник отправишься домой, с малой скоростью, поутру. Так, детишки, посещение закончено, все из палаты вон. Да и вообще – зима, дни короткие, так что – по машинам и в путь. Шелестова, верно тебе сказали – никаких ему нетбуков, пусть отсыпается. Вика, ты задержись, внизу меня подожди. Со мной поедешь, нам все равно по пути.

– Илья Павлович, может я все-таки останусь? – скривила жалобную рожицу Вика, здраво рассудив, что мой приказ – это здорово, но Азов – высшая инстанция, с которой я даже спорить не буду.

– А ну – брысь! – захлопал в ладоши Азов. – Давай-давай-давай!

Моя гвардия с уважением и даже страхом глянула на внешне добродушного Азова, и их как ветром сдуло, только «пока» мне и успели сказать. Петрович даже недоеденный апельсин на тумбочке оставил, что для него было несвойственно. Не в смысле – свинячить, а в смысле – еду оставлять. Нам с ним как-то довелось побывать в одном хозяйстве на уборке корнеплодов, всякое в жизни случается. Так вот еда там была такая, что я в первый же день, задыхаясь от комбижировой вони, сказал окружающим:

– Ек-макарек, в армии лучше кормили!

А ниже этой планки, как вы понимаете, опуститься трудно. Нет, сейчас в армии харч, как в ресторане, чуть ли не «шведский стол», по крайней мере, так говорят. Но в мое время все было прозаичней – перловка, метко названная «шрапнелью» или «клеистером», суп из субпродуктов, жилы под названием «гуляш» в компании с жидким пюре и компот с песком. Не сахарным, а тем, что на дне мешков с сухофруктами остается. Вот такое незамысловатое меню.

К чему рассказано – при всей своей неизбалованности я тот суп есть не смог. Я – но не Петрович, который все смолотил.

А тут апельсин оставил. Это, знаете ли, симптоматично.

Еще под подушкой я обнаружил пару пачек сигарет и зажигалку – уж не знаю, кто из моих такую заботу проявил, но непременно выясню. Золотой ведь человек.

Тут, собственно Азов и сказал:

– Нельзя же так.

Ну, и далее по тексту.

– Нет худа без добра, – прихватил Азов с тумбочки недо-
еденный апельсин и отправил дольку в рот. – Хотя пере-
дохнешь маленько в тишине, правильно ты все сказал. Если
только Валяев сюда не доберется, ему Костик, небось, все
что видел, уже поведал, да еще и от себя добавил. Я нашего
умника в тот же вечер обратно отправил.

– Это да, – я затаился сигаретой, а после помахал рукой,
разгоняя дым. – Блин, как-то не подумал – не заругают меня
за курение?

– Тебя? – Азов хохотнул. – Я столько этому лекарю отва-
лил, что ты теперь можешь тут не то, что курить, а оргии с
гетерами устраивать. Хотя от бабушек со швабрами это тебя
не спасет, конечно, это неконтролируемая стихия, тут толь-
ко руками закрыться и сказать: «Я в домике».

– Откройте форточку, – попросил я его, с трудом встал
и затушил сигарету в апельсиновой корке. Я представил се-
бе хрестоматийную тетю Глашу, махающую тряпкой, и мне
стало страшно. – Пусть проветрится.

– Архиверное решение, – одобрил Азов, выполнил мою
просьбу и вдохнул ворвавшийся в палату морозный воздух. –
Нет, после московского смога тут дышится просто отменно.
Причем от столицы-то отъехали всего ничего. И – тишина.

– Я дитя мегаполиса, – лечь обратно я не стал, так
и остался сидеть. – Мне там уютнее. Да, вы меня в Москве

обратно в больничку определите или...?

– Или, – Азов усмехнулся. – У нас врачи в здании есть, да и не так все катастрофично, поверь. Тебе же не почку вырезали или сердце шунтировали, здесь штатная, по сути, вещь. Главное, тяжести не поднимай и с Викой не шали несколько недель, ну, в активном режиме. И все будет нормально, поверь мне.

– Вот и хорошо, – обрадовался я. – Не люблю я больницы.

– Да кто их любит? – удивился Азов. – Запах этот, карболка вперемешку со столовой, будят ни свет ни заря, градусник под мышку суют. Понятное дело, что болеть дома лучше. Да и мне спокойнее будет, если ты под приглядом.

– А тут я без него? – немного иронично поинтересовался я.

– Да прямо, – фыркнул Азов. – Оставлю я тебя одного. Кстати – с этого и начнем.

Он подошел к двери, открыл ее, повертел головой, высунув ее наружу, и вернулся ко мне.

– Значит так, – негромко произнес он. – Смотри. В здании будет двое моих ребят – один на посту, один тут, в коридоре. Но это – не все. Если вдруг выйдет такой поворот событий, что они прозевают опасность, то здесь, в больнице есть еще один человек, который тебе поможет. Да ты его знаешь, это Олег. Помнишь, который тебе помог тогда, в том году еще? Вот его сегодня привезут сюда, благо выдумывать хворь не надо, там своя в наличии. Он, правда, на поправку всю уже

пошел, но все равно еще в больнице лежал, так что тут все чисто, не подкопаешься. В самом пиковом случае можешь на него рассчитывать. Лежит он на этом же этаже, в девятой палате, это в конце коридора, вон там.

И Азов помахал рукой, показывая мне направление.

А мне стало совестно – совсем я про этого человека забыл. Нехорошо, он ведь тогда прикрыл нас с Викой.

– Понял, – кивнул я. – А так просто мне его навестить будет нельзя, правильно понимаю?

– Если что – формально вы незнакомы, – подтвердил Азов. – Да не переживай, даже если тут не пообщаешься, на что я очень рассчитываю, то в «Радеоне» наговоритесь вдоволь, я его в штат взял. Толковый парень.

– Это да, – порадовался за Олега я.

– Еще, – Азов засунул руку в карман пиджака и достал из него небольшой пистолет. – Вот, держи. Надежная машинка, не чета нынешним. «Браунинг 380», практически коллекционная вещь, его еще в том веке с выпуска сняли, так что вернешь потом. Держи еще обойму запасную. Как пользоваться – показать?

Я принял у него достаточно увесистый, несмотря на небольшие размеры, пистолет и выщелкнул из рукояти обойму.

– «Семь шестьдесят пять», – сообщил я Азову, глянув на патрон. – Ну, это нормально. И предохранитель двусторонний. Уважаю бельгийцев.

Я вбил обойму обратно, загнал патрон в ствол и сунул пистолет под подушку. На самом деле оружие я не любил и стать его владельцем никогда не стремился, но в свете последних событий лучше быть с ним, чем без него.

– Ох, Киф, – Азов взъерошил мои волосы. – Страшный ты позер, нет слов просто. Кстати – разработка-то бельгийская, а вот делали его итальянцы. Видишь, какой он... э-э-э... Стильный.

– Стильный-то стильный, но вот только что мне делать, если меня с этим стволом «примут»? – уточнил я у него. – Разрешения-то нет. Кто его знает, как оно повернуться может? Ношение огнестрельного без разрешения – это статья. Не самая жесткая – но статья.

– Ничего не делай, – посерьезнел Азов. – «Приняли» – и «приняли», знай проси одно – надо позвонить. Дальше – не твоя забота, понятно? Но я надеюсь, что до такого развития событий вовсе не дойдет, я тебе его дал ну совсем уже для перестраховки. А так – полежишь ты тут еще несколько дней – и все, и в Москву.

– Хорошо бы, если так, – не стал с ним спорить я – Звук выстрела громкий?

– Да нет, – махнул рукой Азов. – Хлопок, не громче. Еще – в обойме тринадцать патронов, учти это. Не семь, не двенадцать, – а тринадцать.

– Больше не меньше, – без улыбки заметил я. – Но лучше будет, если я вам его через несколько дней просто отдам об-

ратно – и все.

– Я – за, – Азов залез в другой карман и достал оттуда мои часы. – Держи, это тебе дополнительная гарантия, что так оно все и будет.

– О! – я защелкнул браслет на запястье. – А я думал, что они того... Ничего не имею против санитаров, там ребята нормальные, но в приемном разное бывает, мне Соболев из отдела происшествий рассказывал.

– Так и случилось разное, – хохотнул Азов. – Но потом мы их поискали – и нашли.

– А портки мои и остальная одежда? – поинтересовался я. – Может, и ее сюда тоже?

– Одежда твоя в мусорном баке, – объяснил мне Азов. – Тебя вырвало раза три по дороге, так что Вика как на нее глянула, так на помойку ее и определила. И правильно сделала. Да не волнуйся ты, не голым же мы тебя домой поведем? Когда с Викой за тобой приедем, то привезем все с собой. А тут тебе вон, халат положен. Тем более что ходить тебе особо некуда. Лежи да телевизор смотри. Днем много чего интересного показывают.

Вышеупомянутый халат висел на спинке койки.

– А телефон? – обеспокоился я. – Он где?

– На, – снова залез в карман Азов и достал мой коммуникатор. – Хорошо, что напомнил. Слушай, старый стал, памяти вообще нет.

Ага, знаю я, как памяти у тебя нет.

– Илья Палыч, мне тут ребята рассказали, что вы их маленько потиранили, – осторожно спросил я. – А зачем? Вы же уже знали, что меня не траванули.

– Я – знал, – подтвердил Азов, закрывая форточку. – А они – нет. Они вообще думали, что ты уже того. Вика твоя вся серая была, ее единственную трогать не стал, с ребятами в больницу следом отправил, да еще своих храпоидолов наругал за непонятливость.

Вот тоже интересно – все под подозрением, а Вика – нет. Потому что она со мной через снег и град уже прошла или по какой-то другой причине?

– Ага, – смекнул я. Даже гадать не нужно – Азов, пользуясь моментом, решил половить засланную рыбку в мутной воде псевдотрагедии. – И как, что-то интересное всплыло?

– Что-то да всплыло. – Азов прищурился. – Забавно прозвучит – ты, понятное дело, раздолбай, но твое недомогание оказалось для дела очень и очень полезным.

– Илья Палыч, вы же не Дюма-отец, чтобы интригу накручивать, – возмутился я. – Ну? Чего такого вы узнали?

– Всего-навсего фраза из трех слов, которую слышали два человека. Сначала был только один, что не показатель, но Вика потом мне сказала, что тоже их слышала, она стояла с тем, кто их сказал, рядышком. Естественно, я на них внимание не акцентировал, так что говоривший вряд ли что-то заподозрит, а вот у меня наконец-то пасьянс сходиться начал. Не на косвенных уликах, а на прямых. Нет, был бы это

профи – он бы так не обсохатился, но тут-то дилетант, просто хорошо закопавшийся. Настолько хорошо, что я его ловить долго не мог. Не поверишь – даже думал о том, чтобы всю твою редакцию – того.

– Чего того? – захлопал глазами я. – Вы это, вы заканчивайте! Нет, если невтерпеж, то можете Соловьеву в расход пустить, мне ее меньше других жалко, а остальных-то зачем?

– Ты обезумел? – тут и Азова проняло. – Уволить, в смысле. Ну, кроме Петровича твоего и Ксюши – они появились позже, к ним претензий нет. А вот остальные, елки палки... Прямой укор моему профессионализму, понимаешь. Ведь знаю, что инсайдер есть, а сделать ничего не могу. Вот он минус непрофессионалов – в естественной среде они куда более неуловимы, чем профи. Просто в силу непредсказуемости. Но в какой-то момент минус становится плюсом, особенно в экстренной ситуации. Когда ты на снегу помирать начал, а все орать, тут-то он себя и выдал, сам того не поняв, скорее всего.

– Так что это за слова такие? – я полез под подушку, где у меня потихоньку скапливался джентльменский набор – сигареты, зажигалка и ствол с запасной обоймой. Собственно, за сигаретами я и полез. – Ну?

– Нагнетаю, да? – ехидно заулыбался Азов. – Слова простые и короткие: «Это не я».

– О как! – я снова защелкал зажигалкой, которая не хотела работать. Азов взял у меня ее из рук и отправил в фор-

точку, которую он снова открыл. После протянул мне свою зажигалку – в дорожном платиновом чехле.

– Оставь себе, – помотал он головой, когда я, прикурив, собрался ему её вернуть – Потом отдашь, когда обратно поедем.

– Отдам, – с сомнением произнес я, разглядывая ее. – Изящная штука.

– Ну да, – Азов улыбался, глядя на меня. – Ладно, хорош. Как думаешь, кто? Наверняка у тебя были свои выкладки в голове.

– Были, – не стал спорить я. – Как не быть.

И это было правдой. Я про крысенка внутри редакции не забывал ни на минуту. И, если совсем уж честно, то меня печалил тот факт, что раньше или позже наша славная компания станет меньше на одного человека, больно хорошо мы сработались.

В результате я вычленил две кандидатуры, которые были наиболее вероятны. Назову ему обе, почему нет?

– Чего замолк? – поторопил меня Азов. – Давай, выкладывай.

– Выкладываю, – кивнул я и набрал в грудь воздуха, да так, что в боку закололо.

Глава вторая

о том, что не всему стоит верить на слово

Я выпалил два имени и уставился на безопасника.

– Зрочки покажи, – потребовал он, посмотрев мне в глаза. – Да нет, вроде не расширены. А несешь бред какой-то. Эти-то каким краем?

Ну, на самом деле Жилина я давно хотел проверить, были у меня кое-какие сомнения по его личности. Только вот не как в «крысе», а совершенно в другом ключе. А вот вторая персоналия... Она меня смущала.

– Нет, – наконец сказал Азов. – Обознатушки-перепрятушки.

– О как, – я почесал затылок и зашипел – от резкого движения заныл свежий шов. – А кто же тогда?

– Звягинцева, – без всяких «мхатовских» пауз сообщил мне Азов. – Наталия. Или Наталья, никогда не видел особой разницы в написании этих имен.

– Да ладно? – я очень удивился. – Она? Кстати – фамилию ее даже и не помнил. Таша и Таша. Вот ведь. А ошибки нет?

– Слушай, что за штампованные фразы из кинофильмов про шпионов? – поморщился Азов. – Разумеется, погрешность может иметь место быть, как без этого? Но вот только

эти слова слышали двое, а она утверждает, что подобного не говорила. Точнее – она про это не упоминает, а я восстановил посекундно, кто что говорил и делал, все сходится, кроме этой фразы. И на аффект тут не спишешь. Так что вероятность того, что мы нашли нашего стукача, более чем велика.

– И чего теперь? – невесело спросил я у него. – Чего с ней делать будете?

Есть у меня подозрение, что может маленькая, прожорливая и упрямая Таша попасть в подвалы «Радеона». Я там был – невеселое место. Мне еще повезло, что я тогда из них выбрался, но впечатления остались незабываемые.

– А сам-то как думаешь? – усмехнулся Азов. – Орлы мои ее тихонько с улицы возьмут, привезут к нам в «Радеон», а там все готово – пустой кабинет, табуретка, привинченная к полу и лампа, которую я буду направлять ей в лицо. Что ты на меня уставился? Ты точно кино пересмотрел. Шутит Илья Павлович, шутит.

– Очень смешно, – проникся я.

– Работа у меня такая, что иной раз только шуткой и спасаешься, – пояснил мне Азов. – Да ничего мы с ней делать не будем. Зачем? Пусть себе живет как раньше. Другой разговор, что за ней теперь пригляд и присмотр будет по полной программе. Эта Таша – она диктофон на ножках и не более того, а вот ее связи – это интересно. Авось, и мы чего полезное через нее узнаем. А ты при ней особо не разглагольствуй

давай особо, если только я тебя об этом отдельно не попрошу и текст необходимый не вручу.

– Да я и до этого подобным не грешил, – обиделся я. – Чего мне с ней откровенничать? Да и с остальными тоже.

– Вот и хорошо, – одобрил Азов. – Вот и правильно. Ладно, пойду я, мне еще в Москву ехать. А ты – лежи себе, болей и не забивай себе голову всякой ерундой.

– Ну да, – я потер бок. – Теперь-то чего уже? Нет, ну как глупо получилось – ехал мяса покушать, вместо этого тут завис. И пищу мне теперь есть только жидкую, вон, даже апельсинку нельзя.

– Это жизнь, Харитоша, – Азов потрепал меня по плечу. – Бывает. К тому же такая диета – это ненадолго, можешь мне поверить. Через три дня заберем тебя, дома отъешься.

Дома. Я уж не помню, когда в последний раз был именно дома. Я вообще не представляю, что там творится.

– Не в курсе – как там мои родители? – задал я Азову вопрос, на который раньше мне все времени не хватало.

– Отдыхают, – Азов заулыбался. – Не поверишь – но скоро снова выиграют три бесплатные недели. Везет же некоторым!

– Нормальный человек засомневался бы в своей удаче, – я представил лицо мамы, которое будет у нее при этой новости. – Но не мои. И не россияне в целом. Халява – она и есть халява.

– На то и расчет, – поддержал меня Азов. – Ну все, бывай.

В этот момент дверь открылась, и в палату въехала тележка с кастрюлями и чайниками.

– Обед, – зычно сообщила золотозубая женщина в условно-белом халате, которая тележкой рулила. – Мужчина, вы чего здесь? Посещение с пяти!

– Ухожу-ухожу, – заверил ее Азов, повел носом, наклонившись к кастрюле и, глянув на меня с сомнением, покачал головой. – Странно, вроде не четверг.

– Я есть не хочу, – верно понял его я.

– Рыбный суп, – почему-то обиделась тетка. – С горбушей. И котлета, тоже рыбная, с пюрешкой.

– Мне нельзя, – показал я пальцем на пупок. – Мне кишки того... Апельсинку хотите?

Я человек смелый, но эту самоходку сразу побаиваться начал.

– Эх, москвичи, – тетка цапнула один апельсин с тумбочки. – Зажрались!

И, прихватив еще один экзотический плод, покинула палату, покрикивая вслед уходящему Азову:

– Ходят, ходят. А кому-то потом полы мыть!

И я остался один.

Вот ведь как бывает – в обычной жизни мы, бывает, проносим, не подумав, довольно глупые слова вроде: «Хоть бы в больницу попасть, отоспаться». Вот, я попал – и чего? Больше, чем положено, не поспишь. В смысле – отсыпaeшь-ся быстро, а потом что делать? Ну, в моем случае хоть теле-

визор есть – но это тоже не панацея. В результате – скука смертная.

Ладно, еще днем – мне Вика раза три звонила, Зимин объявился, здоровьем поинтересовался, потом еще Валяев нарисовался, рассказал, что Ядвига сначала долго радовалась, узнав, что я вроде как помер, а потом запечалилась, проведая, что это не так.

И за что она меня так не любит? Я же в 1939 в дележке Польши не участвовал, и родственники мои тоже.

А Костику я сам позвонил. Извинился за то, что так вышло с выездом на природу, и попросил приглядеть за моим аккаунтом – штрафы за неявку в родимый клан никто не отменял пока. Зла он на меня не держал и обещал все сделать.

А вот ночью все совсем было печально. За окнами – темнота и снег, спать неохота, потому как организм свое получил и больше положенного ему не надо.

Я, постанывая (все-таки больно – и вставать, и ходить), сполз с койки, покурил, открыв форточку, и, поняв, что не усну, совсем загрустил.

Было хотел телевизор включить, но в здании больницы стояла тишина, и мне стало как-то не слишком удобно это делать – кто знает, что здесь с акустикой? Включишь его – и тут же примчится ночная сестра, а за ней пяток болящих с костылями, выяснять, кто тут людям спать по ночам не дает. Костыль – это страшное оружие, тем более что коллеги по несчастью меня заранее не любят – их там по восемь в палате

лежит, а я, буржуй, один тут обитаю. Чего меня любить?

В результате мне только и осталось что лежать, глазеть в потолок, щелкать курком пистолета (черт, ну как же приятно держать в руках оружие. Есть в этом что-то сакральное) и думать о всяком разном.

Например – о том, что про Ташу я мог бы и сам догадаться. Это ведь она тогда настаивала на том, чтобы призом в каком-то из конкурсов было посещение «Радеона». Хотя... Чушь это все. Теперь, зная, кто она есть, проще всего подогнать под нее воспоминания, превратив их в факты. Была бы на ее месте Соловьева – я бы вменил ей в вину чрезмерную ретивость, расценив ее как желание подобраться поближе к центру событий.

Субъективно это все. Это все равно как искать у себя симптомы заболевания, сверяясь со статьями в интернете. Всё найдешь, и даже еще сверх того еще десяток хворей. Джером Джером про это в свое время хорошо написал, хоть про интернет и не слышал даже.

А мне ее жалко. Seriously. Ну да, по идее она мой недоброжелатель, это так. Но все равно – жалко. Мало ли как она попала в этот круговорот? Может, выбора у нее не было, загнали в угол, как меня.

Я не склонен к толстовству и вторую щеку подставлять под удар не буду. Я и первую не подставляю, не хватало еще. Но в роли роковой женщины, Маты Хари московского разлива, эту девочку представить я тоже не мог. И меньше все-

го хотел, чтобы она попала в такую ситуацию, где с ней все-таки будет общаться Азов или его молодцы.

Впрочем, предупреждать ее ни о чем я не стану, не хватало еще. Тут гуманизм встанет на одну плоскость с моей безопасностью. Второе – важнее.

С Таши мысли перескочили на игру, в которой наверняка происходило много всего разного. Например – Кро скоро начнет рвать и метать. Я же обещал появиться к воскресенью, а по факту – пес его знает, когда теперь возникну.

Да Кролина – это ладно, поссоримся – помиримся. Вот сбор вождей гэльтских кланов – он и вправду не за горами. Помнится, тогда шла речь о полутора неделях, так сколько от того времени осталось? Немного. А если я это дело прозеваю, то квесту конец, без вариантов. Я столько времени на это положил, и вот так все пустить коту под хвост? Жалко. Главное, – осталось-то всего ничего – народ взбаламутить да в нужном направлении волну его гнева пустить. Ну, и самому половить рыбку в мутной воде.

И самое главное – третья печать. Гора Айх-Марак и то, что меня ожидает на ее вершине. Кстати, – вопрос – что меня ожидает на ее вершине? Чего ждать от Повелителя снегов?

А еще – не взять ли мне с собой туда ребят из клана? Почему бы и нет? Ну, в замок Повелителя снегов я их с собой не потащу, а на вершину – запросто. Если там нет какого-нибудь деяния, я очень удивлюсь. Опять же – проверим их в деле. Как там? «Парня в горы тyani, рискни»? Все верно ска-

зал великий поэт, вот там и поглядим, что к чему.

Одно хорошо – хоть в этом направлении надо мной не каплет, нет там временных ограничений. Точнее – они есть, но более щадящие, я и так с опережением графика иду.

Тут мне стало совсем тоскливо, да еще ветер за окнами выть стал. И еще – жалко себя стало. Не очень сильно – но все же. Сложно сказать, в какой конкретно плоскости, скорее – так, вообще. Все люди спят у себя дома, а я валяюсь тут, в больнице, которая вообще невесть где находится. Я же ее даже со стороны не видел – меня сюда беспамятного привезли. Случись чего – даже не знаю куда идти, где тут вокзал. Хотя это, по ходу, и не проблема – язык до Киева доведет. Тем более что до такого вряд ли дойдет.

За дверью слышались шаги, – кто-то шел по коридору и остановился у моей палаты – в тусклом свете ночных ламп, в щели под дверью, была видна тень от ног этого человека.

Я насторожился, сунул руку под подушку, щелкнул там предохранителем пистолета – чтобы слышно не было, после достал его и направил на дверь.

Человек постоял еще секунд сорок и пошел себе дальше. Может, это один из тех двух бойцов, которые, со слов Азова, должны охранять мое хворое тельце?

Я вообще-то был уверен, что один из них будет, как в кино, сидеть на табуреточке около моей двери и сурово смотреть на проходящих мимо сестричек и пациентов. Но, когда еще днем, после посещения туалета, я из любопытства

выглянул в коридор, то никого там не увидел. Так сказать – коммунизм. Заходи, кто хочет, убивай меня.

– Вот так с ума и сходят, – пробормотал я, поставил оружие на предохранитель, повертелся еще какое-то время и все-таки уснул.

Вообще ничто так не затягивает в рутину, как пребывание в режимных учреждениях – от больниц до армии и исправительно-трудовых колоний. В мирной жизни однообразия тоже хватает, но в ней есть возможность вильнуть в сторону от обыденности. Например – сигануть с парашютом или ни с того ни с сего уехать в город над вольной Невой. А то и в Таджикистан за дынями. Со мной нечто подобное как-то случилось, между прочим. Нет-нет – не Таджикистан, это даже для меня слишком. А вот в Питер я как-то усвистел, когда мне было лет семнадцать. Вообще-то я пошел в магазин, за маслом, мама попросила. По дороге встретил приятелей, который задумали устроить тест-драйв машине, купленной недавно одним из них, а именно – прокатиться по трассе «Е-95» до Северной Пальмиры, глянуть на развод мостов, посетить пару пивных заведений и поехать обратно. В машине было еще одно свободное место, и я его занял.

Мама очень была удивлена, когда часа через три я ей сообщил, что здесь, на трассе, масла нет, но, когда я вернусь из Питера, я непременно за ним зайду в наш магазин. Вернулся я только через четыре дня, когда за ним уже ходил батя.

Подобные вещи делают жизнь на воле разнообразнее. А

вот в местах, где есть четкий график существования, такое невозможно. Если написано – завтрак в девять утра, то именно в это время, плюс-минус десять минут, тебе дадут тарелку каши, кружку с чаем и два куска серого хлеба с одним квадратиком росистого масла. И в сторону не вильнешь.

Но и в этом есть свои плюсы – не надо думать, что будет завтра, поскольку завтра будет то же самое, что было сегодня.

Живот болел уже меньше, главврач, который меня осматривал, после того, как меня пропальпировал, выглядел не слишком довольным, что дополнительно убедило меня в том, что дела мои уже неплохи. Это мне выздороветь хочется, а вот ему выгоднее, чтобы я задержался тут подольше. Впрочем – это нормально, тем более что не похож он на того, кто только о своем кармане думает. Уверен, часть mzды, полученной от Азова, причем большая, на нужды больницы пойдет, а не в его карман. Есть такие люди еще, которые за дело радеют, есть, и чем дальше от моего родного города, тем их больше. Уж не знаю, почему так выходит, видимо – в геомагнитных помехах дело. Или еще в чем.

Но это ладно. Так вот и покатился день по заведенному графику. Обход – обед – шарканье тапочек по коридорам – кефир – ужин. Скука – невозможная. Вдобавок у меня телефон сел, а зарядки не оказалось, не оставили мне ее. Я об этом как-то не подумал, а Азов... Тут можно только гадать – случайно так вышло или нарочно. И раздобыть не у кого –

сестры только нос воротили, а болящие хмыкали, мол, «в такой палате лежишь – и зарядки нет? Ну и дурак». Что до охранников – я их так ни разу и не видел, так что даже послать в близлежащий салон связи было некого. Да и не на что – денег-то у меня тоже не было. Я тут, блин, себя вообще каким-то Робинзоном Крузо начал ощущать. Один, невесть где, и даже поговорить не с кем.

Впрочем, уже ночью с последним пунктом вышла наклад-ка. Собеседник нарисовался, причем из тех, которых лучше бы и не видеть, и не слышать.

Не знаю – то ли от того, что отоспался я капитально, то ли от постороннего звука, – но я проснулся, когда еле слышно скрипнула дверь в палату. Ну, как проснулся – плавно выплыл из сна.

Будь на моем месте какой-нибудь суперагент – может, он успел бы выхватить пистолет из-под подушки и лихо выпутаться из этой истории. Но – я не он, а потому, даже уже осознавая, что пришли по мою душу, сделать ничего не успел. Ну, разве только сунуть руку под подушку.

Следом скрипнул стул – ночной гость явно не собирался меня убивать вот так сразу. Видимо, хотел перед этим поговорить. В том же, что это не охранник, я не сомневался – им-то какой смысл на меня спящего глазеть?

– Харитон, вы уже проснулись, – мягко прозвучал голос визитера. – Веки дрожат, и дыхание участилось. Давайте не будем тратить время друг друга.

– Вот почему всегда так, – я открыл глаза. – Снится роскошная грудастая блондинка, проснешься, – а тут не она. И еще – Ерема, здесь ночью посещения запрещены.

– Не успел к урочному часу, – доброжелательно сообщил мне пророк. – Не сложилось. Снег, знаете ли, заносы и все такое прочее. Но увидеть вас очень хотелось – вот и пришлось татем в ночи побыть. Как ваше самочувствие? Когда я узнал о том, что случилось, я очень опечалился. Хотя это и предсказуемо – вы едите очень много жирной пищи.

– Ем, грешен, – не стал спорить я. – Так вкусно же.

– Ножом и вилкой копаем мы себе могилу, – назидательно сказал Ерема. – Воздержанность в еде продлевает жизнь.

– Все болезни – от нервов, – не согласился с ним я. – И только срамные – от удовольствия. Что ем я жирное, что нет – все одно эта перфорация, или как там её, меня бы тюкнула.

– Ну, тут вопрос спорный, – Ерема усмехнулся. – Да, вот еще что. Передайте Илье Павловичу, что кадры у него не те, что прежде стали. Что один, что второй – никуда не годятся. Реакции нет, того, что за спиной происходит – не видят. Это серьезное упущение. Вот хорошо, что это я пришел – а если бы кто другой?

Первое – я остался практически без прикрытия. Второе – судя по всему, убивать он меня не собирается. Хотя мне давно это Зимин говорил, что, мол, «неспортивно это и им не нужно».

– Они хоть живы? – любопытствовал я.

– Разумеется, – кивнул Ерема, кладя ногу на ногу. – На что мне их жизни?

Я вынул руку из-под подушки и, охнув, перешел из позиции «лежа» в позицию «сидя». Не потому что поверил ему – я вообще уже никому не верю. Просто лежать смысла не было, что это за беседа – один сидит, другой развалился на кровати, есть в этом что-то декадентское. Да и курить захотелось невозможно. И самое главное – пусть привыкнет к тому, что снова и снова засовываю руку под подушку. Если что-то все-таки пойдет не так – это может сработать.

– Это хорошо, – сообщил я ему, щелкая зажигалкой. – Ничего, что я курю?

– Пагубная привычка. – Ерема, легко поднявшись на ноги, подошел к форточке и открыл ее. – Курение убивает.

– Есть такое, – признал я. – Но все остальное убивает не менее эффективно – еда, воздух, вода. Век химии.

– В первую очередь убивают все-таки люди, и только потом – всё остальное, – Ерема так и остался стоять у окна. – Вы очень кстати затронули эту тему, я здесь как раз по этому поводу.

– Ух ты, – я сунул руку под подушку, убирая зажигалку. – Никак вы решили меня... Мммм... Зачистить?

– Мы? – Ерема негромко засмеялся. – Что за причудливые фантазии? Зачем нам это? Напротив, я здесь, чтобы вас предупредить об опасности. И даже помочь вам, если вы то-

го захотите.

– О как, – я затянулся сигаретой. – Куда уж мне хуже быть может? И потом – вспоминая нашу последнюю встречу, как-то слабо мне в это верится. Помнится, в «Капитале» вы были настроены не столь добродушно, и, если бы не вмешательство не слишком квалифицированных сотрудников Азова, все могло бы кончиться достаточно невесело.

– Марк был примерно наказан за свой проступок, – Ерема досадливо дернул подбородком. – Все должно было случиться не так. Совершенно не так.

– Как вышло – так вышло, – я выпустил кольцо дыма. – Чего теперь? Всякое бывает.

– Зато я рад тому, что вы все-таки прислушались к моим словам, и это радует мое сердце, – Ерема улыбнулся. – Перстня с опалом на вас сейчас нет – и это правильное решение.

– Так это опал в перстне? – удивился я. – Вот тебе и раз. Всю дорогу считал, что это агат.

– Опал, – покачал головой Ерема. – Да и было бы странно, окажись это другой камень. Впрочем, мы ушли от темы нашего разговора.

– Мы к ней еще даже не приближались, – заметил я, туша сигарету в свернутом для этой цели бумажном кулечке.

– Харитон, не знаю, потешит это ваше самолюбие или опечалит, но на вас объявлена охота, – как-то подозрительно весело сообщил мне Ерема. – Настоящая, со всеми атрибута-

ми.

– То есть моя голова стала чем-то вроде приза? – напрягся я. – Отрежь ее, отдай таксидермисту и повесь на стену? Я против такого подхода к вопросу.

– Я бы тоже был против, – согласился со мной Ерема. – Но так оно и есть на самом деле. Нет, никакого приза за нее не назначали – нанят человек с хорошим опытом в выполнении подобных заданий, вы его цель.

– Тоже мне новость, – фыркнул я. – Его когда еще наняли. Это я и сам знаю.

Более того – мне тогда даже имя этого товарища называли, красивое и классическое. Ромео. Универсал, рукопашник, стрелок и прочая, прочая. Впрочем, это вслух говорить не стоит – молчание золото.

– Да, но вот только вряд ли вы знаете, что заказчик увеличил сумму гонорара и усилил его еще парой человек с более чем впечатляющим послужным списком, – вкрадчиво произнес Ерема. – Видно, очень он вас не любит. И еще у них есть приказ – не убивать вас без особой команды. Вы заказчику живым нужны зачем-то. Может – для пыток, может – еще для каких целей.

– Вот оно что, – меня пробил легкий озноб. – А я как раз гадать начал – чего им вопрос проще не решить, с помощью винтовки, оборудованной оптикой. В большинстве случаев именно она ставит точку в подобных случаях.

– Согласен, – подтвердил Ерема. – Но не в вашем. Ему,

этому человеку, что-то от вас надо. Или просто он хочет видеть вашу смерть своими глазами. Насколько я понял, вы ему чем-то помешали, и очень сильно. Может – видели что-то такое, что не должны, может – сорвали какие-то планы. Месть, знаете ли, это двигатель прогресса почище рекламы, люди такое для нее изобретали, что диву даешься.

– Отменная информированность, – вкрадчиво сказал я. – Ерема, а в заглавниках ваших знаний нет часом имени этого заказчика? Если есть – скажите мне его, и это будет самый праведный поступок во всей вашей жизни, клянусь небом.

– Опрометчивая клятва, – погрозил мне пальцем Ерема.

– Хорошо, – я ощущал азарт и боль. Первое – от того, что я в шаге от очень важной информации, второе от швов. Я от возбуждения даже дергаться начал. – Вам же тоже от меня что-то надо? Давайте торговаться. Торг в себе ничего порочного не несет, мы же можем найти точки соприкосновения.

– Я бы рад, – Ерема развел руки в стороны. – Я бы поторговался. Но – не с чем. Имени заказчика у меня нет. И даже предположений о том, кто это может быть – тоже.

– Вот же, – расстроился я. – А так хорошо все начиналось.

– Сам не рад, – посочувствовал мне Ерема. – Хотите верить, хотите нет, но этот партизан мешает нам не меньше чем вам. Есть определенный регламент наших отношений с «Радеоном». Да – мы враги. Да – давние и непримиримые. Это есть факт. Но наша война – это наша война, и нам не нужны те, кто ломает хрупкие паритетные отношения, а человек, о

котором мы говорим, именно это и делает. Мои хозяева отдали бы его вашим работодателям, просто в доказательство того, что мы непричастны к происходящему. Но – нет. Наш наушник, увы, пропал бесследно, передав только ту информацию, которую я до вас донес. Думаю, он убит. Он узнал о том, что я вам сейчас рассказал, совершенно случайно, и мы приказали ему подобраться поближе к этим людям, но ему этого, скорее всего, просто не удалось сделать. Или напротив – удалось, но он чем-то себя выдал.

– Жалко, – вздохнул я абсолютно искренне.

А что – и их человека жаль, и того, что он не так уж много узнал, тоже жаль. А больше всего жаль себя. Вот какой мне все эти шпионские страсти? Нет, если вернусь в «Радеон» – только в редакцию буду выбираться и все.

Вот только что делать потом, когда я своим хозяевам не слишком буду и нужен? Кто меня защитит от этих таинственных злодеев, которым моя голова нужна в качестве сувенира?

Да это все ладно. Мне что потом, всю жизнь прятаться в четырех стенах? Я не согласен, мне такого не надо. Это вообще не жизнь.

– Есть еще одна вещь, – продолжал Ерема. – В своем последнем докладе он сообщил, что среди вашего ближайшего окружения есть тот, кто передает им информацию о вас. Проще говоря – рядом с вами доносчик. И, скорее всего, новость о том, что вы лежите в этой больнице, уже достигла

ушей ваших недоброжелателей. Вы понимаете меня?

Кажется, начинаю понимать. Ох, Ерема, с одной стороны – ты непрост, а с другой – как ребенок. Ну да, ту же Виду ты уже напугал бы до судорог, вот только со мной такие вещи не проходят. Нет, поначалу я проникся, но вот последняя фраза – она лишняя. Это не вишенка на торте, это чернослив в кураге.

– Беда, – вздохнул я и обнял себя за плечи руками. – И что мне делать?

– Покинуть это здание, и чем быстрее – тем лучше, – деловито сказал Ерема. – Я на машине. Я отвезу вас туда, куда вы скажете. Домой – значит домой. В «Радеон» – пусть будет «Радеон». Консорциум – честный игрок, и я хочу, чтобы ваш наниматель это знал. Тем более что в свете последних событий у нас образовался перед ним небольшой долг, который нам совершенно не нужен.

Я дернул рукой с часами, вроде как размял плечи, потом ткнул указательным пальцем правой руки в бок и ответил ему:

– Так нельзя мне. Не зажило еще. Врач против будет.

– Какой врач, о чем вы вообще говорите? – проникновенно поинтересовался Ерема. – Если вы останетесь здесь еще на один день – вас не будет.

– Ну, это вопрос спорный, – не согласился с ним я. – Вы меня предупредили, спасибо. Так что я звякну Азову, он усилит охрану. Или пришлет за мной специализированный ав-

томобиль, класса «скорая помощь».

Кстати – вопрос. А почему он сразу этого не сделал? Казалось бы – чего проще? Ну ладно – вчера, все понятно. Наркоз, то, сё. Но сегодня-то что ему помешало это сделать? Красивый реанимобильчик с симпатичной медсестрой решил бы вопрос запросто, мне даже одежду можно было бы не передавать. Однако же я остался тут, у черта на куличиках. Почему?

– Я просто предложил свою помощь, – чуть укоризненно посмотрел на меня Ерема. – Не более того. Это делается в знак того, что мы вам, конкретно вам, – не враги. Совершенно. Да, последняя встреча могла произвести на вас не очень хорошее впечатление, но от случайностей не застрахован никто, согласитесь? Так что, Харитон, – подумайте еще раз хорошенько – стоит ли отталкивать руку помощи?

Елки-палки, мне все помогают, только потом счет за эту помощь выставляют такой, что лучше бы уж в беде бросали, оно бы мне дешевле обходилось.

То, что этот добряк сейчас меня разводит – это ясно. Вопрос в другом – сколько подлинной информации в его словах? Если хотя бы половина – то дело плохо. Я и в хорошей форме вряд ли одолел бы профессионального наемника, а в нынешней, да еще трех – это вообще утопия. И вероятность того, что пистолет мне поможет, была минимальна. В лучшем случае – застрелю одного из них, остальные из меня тут же решето сделают.

Да и то – не факт, что я смогу выстрелить в человека. Я недавно рассуждал на эту тему, причем так и не пришел тогда с самим собой к окончательному согласию. И не стремлюсь этого делать. Кроме морального аспекта тут есть еще юридический. Одно дело – отмазать меня от гонки по Москве, в которой я, правда, тоже пострелять успел, другое – от умышленного убийства, а тут будет именно оно. И что это была самозащита, никто не докажет. Человек с левым стволом устроил пальбу в больнице... Да это такое резонансное дело, что никаких денег не хватит меня от него отмазать. Тем более что у меня их и нет. А станет ли «Радеон» в это дело вписываться, вообще неизвестно.

Так что стрельба – это самый наикрайнейший из вариантов.

Но и ехать с этим хмырем я не хочу. Просто потому что я ему не верю.

Вот нахрена я посадил телефон с этими играми? Сейчас бы звякнуть Азову, услышать, что часы сработали и сюда уже едут крепкие ребята на черных машинах, после чего вздохнуть спокойно и сходить на дорожку в туалет.

Может – у Еремы телефон попросить? Они тогда сюда еще шустрой поедут.

– Ну, Харитон, что вы решили? – поторопил меня он.

– Я останусь, пожалуй, – помолчав, ответил ему я. – Знаете, я очень ценю ваше предложение, но все-таки ночью, с практически незнакомым мужчиной... Мама не поймет.

– Юмор – это прекрасно, – если Ерема и был разочарован, то он это никак не показал. – Но сейчас он не очень к месту. Если вы даже переживете эту ночь, то завтра будет следующая. Вас ведь заберут только послезавтра?

Нет, они все-таки очень хорошо информированная структура. Интересно, откуда дровишки?

– Так ведь стационар, – я снова сунул руку под подушку и достал сигареты с зажигалкой. – Рекомендации врача и все такое. Да, вот что – ваш долг передо мной лично закрыт и погашен, честно. Я очень ценю подобное отношение к моей персоне.

– Это отрадно слышать, – Ерема участливо посмотрел на меня. – Харитон, еще раз взываю к вашему благоразумию.

– Все, – я щелкнул зажигалкой. – Решение принято. Дело даже не в недоверии к вам, дело в том, что те, кому я служу, могут меня просто неверно понять. Как там у классика: «Здесь меня примут плохо, а там посмотрят на это косо». Не уверен, что процитировал верно, и не все обстоит именно так, но в целом... Вы ведь поняли, что я хотел сказать?

– Понял, – кивнул Ерема. – И все-таки. Подойдите сюда. Я, охнув, встал с койки и, сунув ноги в шлепанцы, подошел к нему.

– Вон, видите, – Ерема показал мне на светло-серый внедорожник, стоящий на аллее, ведущей к выезду с территории больницы. – Я все-таки подожду вас пару часов – вдруг вы измените решение? Вы умный человек, Харитон, я это

понял еще в нашу первую встречу. Не мудрый, нет, – но далеко не глупый. Вы то, что в народе называют «сметливый» или «себе на уме». Так вот – посидите, подумайте еще.

– Хорошо, – согласился с ним я, прикинув то, что через пару часов здесь будет гвардия Азова. Ночь, дороги пусты. Какая пара часов? Раньше. – И еще раз – спасибо за заботу.

Ерема потрепал меня по плечу, и больше не сказав ни слова, вышел прочь.

– Вот же, – пробормотал я, глянув в окно. – Приехал, напугал, сон перебил. Нет, что за жизнь, а?

Кстати – насчет сна я как в воду глядел, его как не бывало. Плюс во мне потихоньку росло сомнение – а точно часы сработали? Какой у них, интересно, радиус действия? А если – небольшой, и сигнал просто не прошел туда, куда должен был? Тогда никто сюда не едет.

Я пару раз попробовал включить телефон – бесполезно, он сел полностью.

Через двадцать минут, практически убедив себя в том, что никто меня спасти не собирается, а значит, нечего сидеть и ждать у моря погоды, я снова сунул ноги в тапочки, положил в карман халата пистолет и вышел из палаты.

Вариантов у меня было три. Таки найти кого-то из охранников – у них-то с телефонами, надеюсь, все в порядке? Еще можно было попробовать уломать ночную сестру дать мне позвонить, но этот вариант был из раздела безнадежных, знаю я младший медперсонал. Нет, будь при мне мой бумаж-

ник – вопрос решился бы легко, а так...

Ну, и оставался Олег, как последний шанс. Ночь, все спят, пролезу к нему в палату.

Все это было здорово, и, возможно, что какой-то из этих вариантов и оказался бы верным, если бы я, как только вышел из палаты, не увидел в дальнем конце коридора крайне неприятную картину – там крепкий мужчина в черном за-таскивал в какую-то каморку, из числа тех, в которых хранят ведра, тряпки и швабры, чье-то тело. Причем я сразу четко понял – тот, кого сейчас утрамбовывают в небольшое пространство подсобки, это один из тех двух, кого я собирался найти, а именно – мой охранник. Уже – бывший, надо полагать.

Человек в черном был не один, рядом с ним стояла невысокая девушка со светлыми волосами, в комбинезоне того же цвета, причем их одежда производила впечатление вроде как полувоенной. Она увидела меня и, несмотря на темноту, царящую в коридоре и расстояние, я мог поклясться, что она улыбнулась. А после сделала дружелюбный приглашающий жест рукой, вроде: «Иди сюда».

– Щас, – пробормотал я, и, плюнув на швы и боль, рванувшую бок, скакнул в сторону, а именно – к открытой двери, которую я сразу приметил, едва выйдя из палаты, и, несомненно, ведущую к лестнице черного хода.

Глава третья

в которой герой большей частью чувствует себя дискомфортно

Скорость у меня была, увы, невысока, и на то было несколько причин. Первая – я все-таки еще был хвор. То есть – присутствовала некоторая слабость, страх того, что швы разойдутся и все такое. Вторая, – бег в шлепанцах и халате – вещь крайне сомнительная, одно норовит соскользнуть с ноги, второе мешает движению.

Тем не менее, я успел промахнуть два пролета, прежде чем мой слух уловил скрип двери, которую я, выбежав, предусмотрительно толкнул от себя, чтобы она закрылась.

– Стой! – в лестничный пролет крикнул какой-то даже веселый голос. – Мы тебя убивать не собираемся, просто – поговорим.

Ага, знаем мы таких собеседников. В свое время один мой приятель голову таким образом в одной очень далекой мусульманской стране сложил, в буквальном смысле. Пошел пообщаться с бородатыми ребятами в чалмах и с автоматами, захватившими детскую больницу по каким-то своим соображениям, скорее всего – религиозного характера. Ребята оказались общительными и активно зазвали журналистов на разговор, мол – поболтаем и всех отпустим. Не знаю, в

какой момент и почему беседа зашла в тупик, но уже после того, когда все закончилось, Сашкино тело, изрезанное до невозможности, нашли в одном из помещений, а голову его выбросили на мостовую, что собственно, и спровоцировало штурм.

С тех пор я не любитель общения в подобных ситуациях. Хотя и тогда я ему не советовал нести слово в массы, особенно если они настроены реакционно.

– Стой! – снова донеслось до меня. – По-хорошему просим.

Ай, как плохо, догонят они меня, буквально в затылок дышат.

И я на ходу пару раз выстрелил в лестничный пролет, благо пистолет уже был у меня в руках. Может, и не самый умный поступок, но другого ничего мне в голову не пришло. Да и потом – сомневаюсь я, что это мне повредит.

Черт, я запасную обойму не взял, она так и осталась под подушкой. И не лишней она была бы, и улика, если что. Хотя – у меня все в палате осталось, кроме часов и пистолета.

Выстрелы и вправду были не слишком громкими – но для улицы. В полутемном и тихом здании больницы, да еще и в ограниченном пространстве черного хода они громыхнули ого-го как!

– О как! – донеслось до меня сверху. – Вооружен и очень опасен!

– Осторожно, опасный кролик, – поддержал его девичий

ГОЛОС.

Я тем временем достиг первого этажа и молился только об одном – чтобы местная техничка была ленивой и нерадивой, а, стало быть, оставила выход с лестницы открытым.

И она оказалась именно такой. Вот в чем преимущество удаленности от федерального центра – тут раздолбайства больше. В столице, с ее обилием спецслужб и постоянным страхом терактов, такое невозможно, а здесь – пожалуйста. Живут же люди, а? И другим жить дают.

Я вылетел в двери, они хлопнули за моей спиной, закрываясь. Припереть их было нечем, но я на ходу толкнул банкетку, стоявшую рядом с выходом, и она замечательнейшим образом перегородила проход. Ну да, не препятствие, но секунд двадцать я отыграл.

Выстрелы слышали, до меня откуда-то донеслось несколько голосов, видимо, вопрошающих: «Это что было?».

Судя по ним, я как раз попал в главный холл, темный по этому времени суток, или в какое-то ответвление от него, и вот здесь за меня начала играть архитектура этого здания.

Можно ругать или хвалить проектировщиков советского времени, но их непростая логика, любовь к дешевому портивейну и тяга к поворотам, переходам и лестницам сыграла мне на руку. Чуть дальше того места, где я выскочил с лестницы черного хода, был поворот, ведущий неведь куда, за ним еще один, потом короткий переход, а дальше я уже и

сам бы не нашел обратную дорогу.

Влетая в первый поворот, я услышал грохот банкетки – мои новые друзья сидели у меня на хвосте, следовало ускориться.

Правда, потом я ничего не услышал – видно, они рванули к главному выходу.

– Больной, почему не в палате? – я лоб в лоб столкнулся с немолодой женщиной в халате, несущей куда-то металлическую кастрюлю медицинского назначения. – Что за беготня ночью?

– По нужде. – Я обернулся, сделав несколько шагов, встал так, чтобы в случае чего не оказаться на линии огня и посмотрел назад. В темноте перехода никого не было видно, то ли отстали мои друзья, то ли и вправду побежали не туда. – Приспичило – сил нет.

– Больной, – женщина опустила глаза и увидела у меня в руках пистолет. – Это что?

– Боюсь темноты, – я таращился в темень перехода. – С детства. Все опасаюсь, что Букара придет.

– Кто? – совсем уже растерялась женщина.

– Букара, – терпеливо объяснил ей я. – Мохнатый, с шестью лапами и рогом на лбу. Выход где?

– Там, – показала женщина в том направлении, откуда я пришел.

– Он тут один? – не поверил ей я.

– Главный – да, – кивнула она. – А так – вон там отдельный

выход через кухню, еще пара хозяйственных входов есть.

– Кухня – это хорошо, – одобрил я. – На ночь ее закрывают? Опечатывают?

– Кладовки – да, а так – нет, – пробормотала женщина, видимо, начав думать о том, что я сбежавший преступник.

– Тогда – пошли, – по возможности мягко попросил ее я, мое чувство опасности просто вибрировало внутри, сообщая мне, что пора линять из этого коридора. – Где там эта ваша кухня?

– Мне надо операционную готовить, – робко заикнулась женщина. – Это важно!

Я молча сунул ей ствол пистолета в живот. Ну да, некрасиво до невозможности, но ничего другое в голову мне не пришло. Однако – киноштанп, а они всегда работают.

– Извините – но вот так. И мне не хотелось бы пускать его в ход, – проникновенно сказал я ей. – Вперед, сестричка, вперед. К выходу, пожалуйста.

Надо заметить, что в кино хитроумная медсестра уже ударила бы меня этой металлической хреновиной по голове или скальпелем полоснула, а после стремительно побежала по темному коридору в безопасное место. А эта нет – повернулась и пошла себе. И правильно – в кино это дело снимают в павильоне, где слева столик с закусками стоит, а справа гример сидит. А здесь – небритый мужик в халате и с пистолетом, причем стрельни он – и все. При этом ничего такого он не просит – только выход показать, так что пусть себе идет

куда хочет. Потом полиции о нем расскажу – и все.

Так, или приблизительно так, по моему разумению, она и размышляла.

Тем временем, похоже, что больница все-таки просыпалась – в здании напротив, том, из которого я так лихо смылся (мы уже были в другом крыле, пройдя через короткий и темный стеклянный переход), местами зажегся свет.

– Тебя ищут? – утвердительно спросила женщина.

– Не-а, – покачал я головой. – Скорее тех, кто за мной приходил.

– Любопытно было бы узнать, в чем дело, но лучше не надо, – подумав, сказала она. – Меньше знаешь – дольше живешь, мне девяностых за глаза хватило. Хотя откуда тебе их помнить, я тогда сама еще девчонкой была.

– Так получилось, – не знаю отчего, но мне внезапно стало стыдно перед ней. – Я не бандит и не преступник, честно. Просто жизнь, она так иногда выворачивает...

– Это не мое дело, – сообщила мне женщина, входя в какой-то маленький коридорчик с дверью в его конце. – Вот выход.

– На кухню не похоже, – заметил я, оглядывая тесный предбанник.

– Так это и не она, – женщина открыла какой-то шкаф. – Хозяйственный выход. На, держи.

Она покопалась внутри шкафа и протянула мне жуткого вида штаны и ватник.

– Шапки нет, извини. И сапоги кирзовые, ты, небось, таких не видел даже, – немного насмешливо произнесла она. – Сразу видно – городской, ухоженный.

– Чего это? – мне стало немного обидно, и я поскреб пальцами колючую щетину. – Я в армии служил, так что всякое бывало. Это в элитных частях берцы носят, а в стройбате как кирзу таскали, так и таскают.

– Тогда – обувайся, – передо мной плюхнулась пара раздолбанных сапог. – Давай живее, мне правда надо операционную готовить. И еще – я милиции, если что, все расскажу.

– Только за, – я, оглядевшись по сторонам, увидел что-то вроде тумбочки и положил на нее пистолет, после начал, шипя от боли в боку, натягивать штаны. – Обязательно расскажи, если приедут. Как тебя зовут-то, роднуля?

– Ангелина Ивановна. – Женщина покачала головой, глядя на мои швы. – Ох, застудишь ты болячки свои, на улице-то не май месяц.

– Выбора нет, – объяснил ей я, заправляя халат в штаны, какой-никакой, а утеплитель. – А портяночки там не завалились?

– Нет, – глянула Ангелина в шкаф. – Зато вот, все лучше, чем ничего.

Она мне протянула забавную белую кепку с пластмассовым козырьком и надписью «Таллин-80». Я таких и не видал никогда.

– Значит, мало что замерзну, так еще и ноги собою, – опе-

чалился я, обуваясь и натягивая кепку. – И еще – хорошо, что тут зеркала нет.

Кстати – а куда я вообще иду?

Самый простой вариант – Ерема и его внедорожник. Пять минут по сугробам – и я в теплом салоне комфортной машины. Вот только – не тянет этот вариант. По ряду причин не тянет. Во-первых – непонятно, куда меня привезут в результате. Может – к зданию «Радеона», а может – в Крылатское, где у них офис. А может, вовсе к ближайшему оврагу, где я мирно и тихо проведу остаток этой зимы и половину весны, пока меня не найдут и не включают в сводку происшествий, нежно назвав «подснежником».

И потом – как-то все гладко получилось. Он меня предупредил – за тобой охотятся, и тут же появились люди в черном. И он при этом все еще ждет меня во дворе. Все как по нотам.

Хотя – небесспорно это все, причем далеко. Слишком примитивно выходит, ну совсем для дураков. Это даже не схема, это просто откровения капитана «Очевидность». Так что – может, и совпадение, я видал жизненные извивы почище этого. Не следует забывать о том, что я ребят в черном заметил случайно, не выйди из палаты – взяли бы они меня тепленького. А может – просто расстреляли прямо в кровати, спящего.

Не факт, что Ерема при делах. Но и снимать с него подозрение не стоит. Хотя – кто тут не под подозрением, начиная

аж с Азова? Почему меня берегли только двое охранников плюс хворый Олег? Почему я тут, почему меня сразу не вывезли в Москву? Почему, почему, почему. Одни «почему», – додумывал я, натягивая ватник и убирая пистолет в его карман.

– Скажи, а газет никаких нет? – ногам было очень неудобно, и я вспомнил, как мы в армии свежей прессой по зиме ноги обматывали. – Обморожу ноги-то. Да и не уйду далеко, до кровавых пузырей конечности собою вмиг.

– Газет? – женщина погремела чем-то в шкафу. – Есть. Держи.

Я замотал ноги какими-то архивными изданиями, вроде «Советской России», после чего немного повеселел.

– На-ка вот, – Ангелина покопалась в кармане и сунула мне несколько сторублевых бумажек. – Там калитка есть, маленькая, она проволокой замотана, выйдешь в нее. Оттуда – налево, до указателя, потом бери правее – выйдешь к шоссе. По нему, спиной к указателю, по ходу движения – прямо иди, и километра через четыре будет «Путепроводная». Где-то в половине шестого утра через нее электричка до Москвы проходит, два часа – и ты в столице. Или в другую сторону езжай, до Твери, это уж сам решай.

Может – и вправду в другую сторону, до Твери? Оттуда – до Бологого, из него до Окуловки или даже сразу до Малой Вишеры, а там и Питер. В северной столице мне есть у кого приткнуться, хоть бы даже у того же Гарика Липченко, он

не откажет своему закадыке в приюте и тарелке супа. К тому же у него, если верить его словам, есть «окно» на границе с чухонцами.

Хотя – о чем я. А родители? А Вика? Нет, в Москву, в Москву, по тропе трех сестер. Еще вот этой милой даме надо будет долг отдать.

– Спасибо, – убрал я купюры в карман. – Скажи – а почему?

– Дура потому что, – пожала плечами женщина, поняв, что я имею в виду. – Есть у нас такая странная черта, у русских баб – действовать по-дурному, не сказать еще откровенней. Жалко тебя стало отчего-то. Видно же – заплутал ты в трех соснах и сам не знаешь, куда дальше идти. Как такого не пожалеть?

Воистину – не понять мне их никогда. Я ей в живот пистолет, а она мне денег на электричку дала. И полиции ничего не скажет, зуб даю. Великая тайна русской женской души.

Мне очень хотелось спросить – нет ли у нее при себе мобильного телефона, но делать я этого не стал. И номера Азова я на память не помню, да и помни я его – не хочу я эту женщину втравливать в наши игры, номер-то ее определится при звонке. Так уж выходит, что все люди, что попадают в мою орбиту, становятся фигурами на доске Большой игры, ей я этой судьбы не хочу. Нет, потом, само собой, я деньги ей верну, – но сейчас ни к чему ее светить. Даже с учетом того, что дело нешутейное.

– Верну, – пообещал ей я. – Слово даю.

– Ну да, – усмехнулась она, щелкая допотопным дверным замком. – Иди уж.

– Ангелина, – остановился я на пороге. – Полиции говори, что хочешь, но только ей. И только той, что и вправду полиция, поняла меня? С остальными – ни полслова, очень тебя прошу. Не за себя прошу, за тебя.

– Иди уж, – меня подтолкнули в спину – Не видела я тебя, вообще не видела.

И дверь захлопнулась, оставив меня среди темноты, ветра и снега.

Уши у меня замерзли сразу же, поднятый воротник ватника их не защищал совершенно, про странный кепарь я и не говорю вовсе. Хотя это было только начало – вскоре холод принялся за пальцы ног, проник под ватник, защищал ноги. Пальцы рук, заледеневшие при разматывании проволоки на калитке, я тоже отогреть уже не мог.

Впрочем, холод – это было не самое главное. Две вещи, которые меня беспокоили больше всего, это – не заплутать бы, и что делать с пистолетом?

Первое было самым главным – где тут право, где лево, я даже не представлял и крайне удивился, когда сначала добрел до указателя, а после – и до шоссе. Там я встал по направлению движения и потопал сквозь пургу вперед, прикидывая – выбросить ствол в ближайший сугроб или нет?

По логике – надо было бы. Видок у меня еще тот, как

есть – бомж, и если меня менты «примут», что вполне вероятно, то отсутствие паспорта и наличие пистолета может оказаться для меня фатальным.

С другой стороны – и пусть загребают. Уж телефонный звонок я как-нибудь да выпрошу, а дальше – дело техники. Телефон Азова я не помню, а вот телефон редакции – у меня выжжен в памяти намертво. Только надо чтобы трубку Вике передали, и предупредить ее о том, чтобы при свидетелях ни звука не издавала.

И самое главное, – пистолет – это хоть какая-то гарантия того, что мне будет чем защитить себя. А так – я вовсе буду вроде черепахи, перевернутой на спину.

Мимо промчалась машина, чуть не смахнув меня в кювет, и я спешно перебежал на противоположную сторону дороги. Тут хоть фары увидишь и отпрыгнуть в сторону успеешь.

За этими мыслями, окончательно замерзший, я добрался до типичной подмосковной станции. Даже не станции – платформы, до станции это место не дотягивало, на перроне не было уютного строения с лавочкой и с окошком навеки закрытой кассы, на которое я так рассчитывал. Была только сама платформа, пара лавок под открытым небом, несколько фонарей да навесик из разноцветной пластмассы. И – пустота, ни души. Оно и понятно – зима, ночь, откуда тут кому быть. И мне отсвечивать не след, мало ли что?

Я нашел спуск с платформы к приземистому домику с темными окнами, где, видимо, некогда все-таки была касса,

но сейчас закрытому намертво. Рядом с ним обнаружился полуразрушенный сарайчик, который хоть как-то защитил меня от ветра.

Интересно, сколько сейчас времени? По моим прикидкам – часа четыре ночи, так что мне тут еще долго куковать. Это летом кое-как можно время определить, зимой же это куда проблематичней сделать, особенно в такую непогоду. Увы, но «Ролекс» мне никак в этом деле помочь не мог – он показывал какое-то странное время, что-то около восьми часов утра, уж не знаю почему. Хотя эти часы изначально могли идти неверно – я ими по прямому назначению сроду не пользовался, даже на циферблат никогда не глядел.

Я зевнул и тут же ущипнул себя за нос – как бы не заснуть, это верная смерть. Глупо было бы вот так вот откинуть копыта – нелепо и вдруг.

Интересно, а кавалерия уже на подходе? Если часы сработали, то раньше или позже я должен услышать рев моторов. По крайней мере, я хотел бы в это верить.

Но как я ни напрягал слух – ничего, кроме свиста ветра, слышно не было. Зато минут через двадцать я расслышал звук приближающегося поезда и поспешил на платформу. Увы, увы, но он промчался мимо – это был какой-то товарный состав. Зато на перроне обнаружилась бабуля – божий одуванчик, закутанная в платок так, что наружу торчал только нос с волосатой бородавкой.

– А что, мать, – сипло спросил я у нее. – Скоро на Москву

электричка будет?

– Тоже мне сыночек! – неожиданным басом ответила старушка. – Ишь, и не холодно тебе, охламону!

– Холодно, – жалобно сказал я. – Так – когда?

– А вот пить не надо! – погрозила мне бабка рукой в вязаной варежке, при виде которой я впервые в жизни задумался об убийстве с целью грабежа. Эти рукавички даже внешне были невероятно теплыми и уютными. – Ишь, даже шапку пропил, в эдакой стыдобе ходишь.

– Так затем в первопрестольную и еду, – на ходу начал импровизировать я. – Судьбу менять, к новой жизни возрождаться. В дворники пойду или в ассенизаторы, самое то для начала карьеры. Когда поезд будет?

– Через десять минут, – сменила гнев на милость старушка. – Ты давай, на месте не стой, а то совсем застынешь. У меня мой вот так же лет тридцать назад как-то с друзьями погулял, а через год – бабах, и все. Никаких мне больше женских радостей через него не было.

Какие мрачные перспективы, хотя и небезосновательные. Руки, уши – это ладно, а вот то, что ноги совсем ледяные стали – не есть хорошо, это и вправду простатит заработать можно. Но в целом – десять минут это ерунда, на фоне того, что уже было. Я побегал по платформе, если это можно так назвать, а после еще раз прогулялся к сарайчику и там припрятал пистолет – хорошо, надежно, под гнилыми досками, теперь в нем у меня особой нужды не было.

При виде же электрички, подплывшей к платформе, я вообще испытал некое подобие катарсиса – там тепло, там сиденья, и самое главное – это чудо инженерной мысли повезет меня в Москву! А там – не здесь, там я как-нибудь, да вернусь. Лишь бы линейные полицейские не докопались по дороге. Хотя – откуда им в такую рань взяться, они спят еще.

И правда – контролеры ближе к Москве один раз по вагонам прошлись, ополовинив мой денежный запас, а вот представителей власти я так и не увидел.

В электричке я немного отогрелся, причем уши и щеки я тер ладонями нещадно, опасаясь, что отморозил их. Но и тут вроде как обошлось.

Окончательно я согрелся в метро, там была просто благодать. Лихо и очень быстро проскочив площадь «Трех вокзалов», я нырнул в него, и мне стало совсем хорошо. Кто говорит, что в метро душно? Там отлично, особенно промерзшему до костей человеку. Кстати – как же комфортно ездить в метро одетым так, как я сейчас. Места у меня было полно, несмотря на самый-рассамый «час пик» – рядом со мной никто не садился, более того – даже никто особо не стоял. Служилый московский люд с урбанической нелюбовью таранился на мою небритую физиономию, разбитые «кирзачи» и драный ватник, а потому не спешил занимать места рядом со мной. Я же, не в состоянии удержаться от того, чтобы над ними не поглумиться, то и дело вытирал ладонью нос, крестил рот после чихания, чесал подмышку, а напоследок бод-

ро сказал эталонной офисной леди в очочках и со стильным портфельчиком в наманикюренных пальчиках:

– А и ладная ты девка, как я погляжу! Айда со мной, на тракторе кататься!

Нет, оно того стоило. Давно мне так весело не было. А может – просто включилась защитная реакция психики, – ночь была из тех, что входят в анналы.

Самое обидное – полиция до меня докопалась как раз тогда, когда я почти достиг цели. Я уже видел одновременно надоевшее мне до судорог, и в настоящий момент такое родное здание из темного стекла и светлого металла, когда меня похлопали по плечу и раздалось:

– Сержант Кирилук, московская полиция. Ваши документы, пожалуйста.

– Да ладно! – не удержался я, вздохнул и повернулся к совсем еще юному сержанту.

– Документы, – требовательно произнес полицейский. – Или – пройдемте.

– Есть другое предложение, – проигнорировал я скептическую улыбку сержанта, в которой читалось, что человек с таким внешним видом альтернативный способ решения проблем предложить не может. – Кое-куда пройти, и там я предъявлю вам искомое.

– Это как? – опешил сержант. Такой фразы от чушка в «прохорях» и ватнике он не ожидал. – «Кое-куда» – это куда?

– Скажи мне, мил человек, что вон там находится? – ткнул

я пальцем в громадину «Радеона», достаточно мрачно выглядящую на фоне рассветного неба.

– Офисное здание, – пояснил сержант. – Компания там сидит. Большая.

– Вот, – покивал я. – А я в этой компании работаю. Так что пойдемте туда, и вы в этом убедитесь.

– Ты? – с сомнением сказал сержант и положил руку на кобуру. – Давай-ка лучше в отдел.

– Сержант Кирилюк из московской полиции, – мне стало совсем обидно – почти добрался же. К тому же у меня болело все, что только может болеть, мне очень хотелось лечь и вытянуть ноги. Не хочу в отдел, я есть хочу и теплую ванну. – Поверьте, я там работаю. Просто у нас, богатых людей, тараканы в головах – они элитные. По этой причине мы, бесясь с жиру, устраиваем разные забавные пари. Например – съездить вот в таком виде на муниципальном транспорте до Медведкова и обратно. Я – съездил и почти выиграл ящик виски. Давайте не будем портить мне сладкий миг победы.

– Н-да, – по лицу сержанта я понял, что именно он думает о зажиточной части населения.

– Скажите, сержант, – устало спросил я у него, притоптывая ногами от холода, после теплого метро он показался мне совсем уже нестерпимым. – Вы в «Файролл» играете?

– Нет, – сурово ответил полицейский. – Не люблю игры, с детства.

– Жаль, – расстроился я. – Ведь я вам за то, что вы меня

сопроводили бы до входа, полгода бесплатной игры подарил. Серьезно.

– У меня сестра играет, – оживился сержант. – А что, вы правда оттуда?

– Правда, – я демонстративно глянул на часы. – И очень хочу выпить кофе, если честно. Сержант Кирилюк, что вы теряете? Если я окажусь не мной – отведете меня в участок и отберете часы в качестве компенсации. Если я – это я, то получите прекрасный подарок для сестры на восьмое марта. Пошли?

– Что значит – «отберете»? – насупился юный сержант. – Не все такие, какими нас в сериалах показывают. Пошли уже.

По-моему, полицейский на меня обиделся, по крайней мере, остаток пути до центрального входа в «Радеон» он молчал.

Тем временем рассвело, судя по всему, девять часов утра уже миновало, а потому в стеклянные двери здания вливались уже не волны, а отдельные финальные брызги офисного люда – те, кто мог себе это позволить по должности и положению, а также опоздавшие, прикидывающие вероятность того, что добрые коллеги на них настучат в отдел по борьбе... Упс. Простите – по работе с персоналом. Присоседились к ним и мы с сержантом, ловя на себе удивленные взгляды клерков.

– Куда? – спросил у меня массивный охранник с незнако-

мым лицом, умело останавливая меня толчком в грудь около рамки металлоискателя. Двое других, стоящих чуть подальше крепышей в костюмах, мне тоже были незнакомы.

– Туда, – кротко ответил ему я и сопровождал слова жестом. – Азову позвоните, пожалуйста, скажите – Никифоров сам до дома добрался. Своим ходом.

– Его нет в здании, – бесстрастно ответил охранник. – Он на выезде.

– Тогда Зимину позвоните – попросил его я. – Или Валяеву. Опять же – мобильную связь никто не отменял.

– Освободите проход, – потребовал охранник вежливо, но твердо. – Выйдите из здания и позвоните сами тому, кому сочтете нужным.

– Еще раз прошу – наберите кого-нибудь из названных лиц, – потребовал я у него и рявкнул на сморщившую носик девушку, которая тихонько пробормотала «Фу!», обходя меня стороной. – Чего, пахнет? Да, душ не принимал, ночь у меня была непростая!

Елки-палки, да что это такое! Ощущение такое, как будто ехал по знакомому и привычному маршруту домой, а приехал невесть куда. Например – в мавзолей Ленина.

– Все, пошли, – почему-то покраснел сержант и сказал нахмурившемуся охраннику:

– Извините.

– И попрошу вас больше в таком виде сюда не являться, – посоветовал мне охранник, проявив при этом хоть какие-то

эмоции. Я уж подумал, что Азов где-то киборгов раздобыл.
– Он больше не будет, – сержант вздохнул. – Извините.

Пока они беседовали, я высматривал в холле хоть одно знакомое лицо, и как назло, не было никого – ни Дашки, ни других сколько-то знакомых девушек с ресепшн. И в холле – как шаром покати, никого из тех, кто тогда так мило со мной беседовал на встрече Нового Года.

– Давай, – сержант потянул меня за рукав, и я понял – сам он меня бить не будет, но мало мне не покажется. Молодость склонна к самолюбию и не терпит того, что ее ставят в глупое положение. – Пошли, экстремал. Будет тебе сегодня веселье и адреналин, поверь.

«Дзинь» – привычно тренькнул сигнал, оповещающий о прибытии внутреннего лифта, я обернулся, и сердце скакнуло вверх.

– Маринка! – заорал я, поднимая руку вверх. – Вежлева! Мари-и-и-ин! Меня не пускают внутрь! Это я, Киф! Никифоров, то есть!

– Не ори! – сержант стал пунцовым, а охранник задумчиво посмотрел в сторону лифта. – Пошли!

– Мари-и-и-и-ин! – издал я сиплый вопль и ухватился руками и ногами за рамку – Спасай!

Банг! – и у меня в глазах вспыхивают искры, – меня кто-то стукнул в бок, то ли охранник, то ли милицейский, то ли вообще кто-то из сотрудников, желающих попасть на работу и устраняющих преграду в виде меня.

И цели своей этот некто достиг – я отлепился от рамки и сполз на пол. Кстати – похоже, что последний вариант был верный, через меня кто-то перешагнул, тихонько ругаясь. Ух, узнаю, кто это был!

– Что тут? – звонко простучали по мрамору холла каблучки Вежлевой. – А где Никифоров?

– Я тут, – задрал я лицо вверх. – Лежу вот. Знаешь, мне сейчас очень больно и унижительно. Блин, что за люди у Азова работают, а? Некоммуникабельные и грубые. Понабрал солдафонов по объявлению, понимаешь!

Охранник было выставил челюсть вперед, но тут же отставил свои кровожадные мысли в сторону, так как Марина Вежлева, не последний человек в иерархии «Радеона», присела на корточки и уставилась на меня.

– Ну, у тебя и видок! – весело сказала она мне. – Я ничего не понимаю, честно. Знаю, что какая-то круговерть вокруг тебя была, что ты вроде как чуть не помер, но детали никто не рассказывает. У Зимина с Валяевым не спросишь, а эта твоя селянка от меня как от чумы шарахается. Дикая она у тебя какая-то. А ты – вот он, причем в очень забавном виде. Слушай, ты так пахнешь...

– Да вправду чуть не обделался, – зло глянул я на охранника. – Блин, мне прямо в то место саданули, которое три дня назад зашивали. И все по вине вон того, мордатого! Трудно ему номер набрать, понимаешь. Знаешь, как больно? Я, может, сейчас вообще помирать задумаю, между прочим, у ме-

ня там вроде как кровь идет.

Охранник несомненно призадумался, сержант же понял, что я не врал, и вроде как намылился скрыться.

– Марин, запиши телефон вон того, в погонах, – попросил я ее, держась за бок. – Я ему полугодовой аккаунт халявный обещал, за помощь.

– Да ладно, – пробормотал сержант, несомненно матеря себя в душе за то, что вообще меня остановил. – Чего уж.

– Эй, ты, – зло посмотрел я на охранника, к которому приблизились еще двое его коллег, поняв, что происходит что-то внештатное, причем один из них очень недобро смотрел на своего коллегу. – Хотя нет, ты, наверное, и писать-то не умеешь. Лучше вот ты, у тебя лицо хоть сколько-то разумное.

– Хамить только не надо, – тяжело сказал один из них, постарше остальных. – Бывает, у парня сегодня здесь первый день, не обтесался он еще.

– Я еще хамить и не начинал, – охнув, я попробовал встать. – Если я хамить начну, то знаешь, что будет? Вот лучше бы тебе и не знать!

На самом деле не так уж этот охранник был неправ, но надо же на ком-то зло сорвать? Так-то я парень не вредный, но когда мне больно и позади такая ночь, что умереть – не встать, то от меня можно ждать чего угодно. Как, кстати, и от любого другого человека. А если кто-то скажет, что это не так, то плюньте ему в лицо, поскольку он врун.

– Это ваш недогляд, – погрозила старшему охраннику

пальцем Марина. – Не надо сразу новичка на такой пост ставить. Опять же – где наставничество? Стоять с ним рядом надо, передавать опыт.

– Согласен, моя ошибка. Раз виноват – отвечу, но не перед вами, у меня свое руководство есть, – невозмутимо сказал старший. – Но хамить-то зачем?

– Это да, – согласился я с ним. – Хамить не надо, и уже сегодня кое-кто из вас в этом убедится. Как и в том, что я злопамятен, как хорек, и настолько же кровожаден.

– Это правда, он такой, я его знаю, – подтвердила Марина и окликнула одного из клерков, который только что вошел в здание и приложил карту к терминалу. – Паша, помоги Харитону Юрьевичу дойти во-о-он до того дивана и возвращайся сюда. Полицейский, оставите свой телефонный номер этому юноше, чуть позже с вами свяжутся по поводу годового аккаунта класса «Премиум», а также бонусного набора игровых предметов.

– Полугодового, – пробормотал сержант. – Вроде, о нем речь шла.

– Это – «Радеон», – одарила его улыбкой Вежлева. – Полумеры здесь не приняты, знаете ли.

Молодой человек в дорогом пальто помог мне встать на ноги, я повернулся к полицейскому и подмигнул ему.

– Бывай, сержант Кирилюк из московской полиции, – сказал я ему. – Привет сестре. Пошли, Паша.

Я как-то совсем обмяк, как будто из меня вынули некий

стержень, который не давал мне сломаться за последние часы – ноги были как ватные, да и в висках шумело так, будто я стакан водки маханул натошак.

Кстати – не отказался бы. Замерз я жутко, внутри будто глыба льда застыла.

– Ба-а-а-а! – к гостевому дивану, на который Паша меня опустил, подошла, цокая длиннющими каблуками ярко-красных туфель, еще одна моя старая знакомая. Вот ведь, как нужны были – поди, поищи. А теперь – вон их сколько. Хотя эта не то, что мне помогла бы, наоборот – сделала бы все, чтобы максимально насвинячить. – Кого я вижу. Ну что, теперь вы наконец показали нам свое истинное лицо. Хотя это...

– Не слишком подходящее слово, – устало продолжил я ее фразу. – Больше тут подходит слово «харя». Или «рожа»? Неоригинально и избито. Штамп, ясновельможная пани. И потом – да, я люблю национальную одежду, – а это именно она. У вас носят шелковые чулки и яркие ткани с бисером. У нас – ватник и кирзачи. Каждому свое.

– Это очень точно ты сказал! – Ядвига накрутила на палец локон волос. – *To jest bardzo prawdziwe* (Это очень верно).

– Пани, это вы меня обматерили или похвалили? – я, кряхтя, привстал и расстегнул ватник. – Языкам не учен просто. Мы академиев не заканчивали.

– Ядвига Владековна, – к нам подошла Вежлева и кивком поприветствовала полячку. – Доброе утро.

– Я заверила тебя, что все идет так, как должно, – проигнорировала Марину Ядвига и, не прощаясь, удалилась.

– Вот же, – Вежлева только усмехнулась, глядя ей вслед. – Сколько лет ее знаю – совершенно не меняется. Как сучкой была, так ей и осталась.

– Согласен с тобой, – я стянул ватник и охнул от боли.

– Слушай, а ты точно не бомжуешь? – Марина с недоумением смотрела на мой халат, который был под ним, и на кепку, вывалившуюся из кармана. – Сто одежек – и все без застежек. Ох ты – кровь, что ли?

И верно – в месте, где была наложена повязка, появилось небольшое красное пятно.

– Да какой-то поганец меня ногой пнул, – я со злобой глянул на охранника, который знай проверял входящих в здание. – Надо будет узнать, кто точно, и отомстить. Но вообще – охрана у нас та еще. Нет, чужих не пропустят, но и своим, если что, несладко приходится. А если кто-то из них журналиста отбучкает? Век не отмоемся.

– Киф, это сомнительный трюк, – Вежлева коснулась моего носа пальцем. – Это банально. Если тебе надо его наказать – сделай это сам, хорошо? Нет, я его в труху одной рукой, это не проблема, – но ты хоть комбинацию покрасивее разыграй, а то такую банальщину выдал. Не порти мое мнение о тебе.

Вот так. Не суди – и не судим будешь.

– Согласен, – признал я. – Грязненько. Телефон дай, надо

Азову позвонить.

– Опоздал, – Вежлева кивнула в сторону охранников. – Эти уже отзвонились, он едет. Представляешь, у них сегодня первая смена – и сразу так накосорезить! Ты в самом деле их топить будешь?

– Посмотрим. – В тепле меня размотало окончательно. – Им бы сразу Палычу позвонить, а они – «его нет в здании». Но вообще – вряд ли. Я в гневе страшен, но по жизни отходчив. К тому же по таким делам я скоро и вовсе коньки отброшу, а мертвые – они не потеют и не мстят. Да и потом – их не наказывать надо, а хвалить, если совсем уж честно. Парни делают свою работу.

– О, а вот и медики, – Марина помахала кому-то рукой. – Все, расслабься, теперь ты в моих надежных руках.

– Всегда об этом мечтал, – пробормотал я.

– Ты сейчас конкретно о моих руках или вообще о чем-то подобном? – уточнила Вежлева.

– А можно я тебе потом отвечу? – попросил я ее. – У меня сейчас мыслей почти нет, я так вымотался.

Почти не врал – мысли путались и были как мыши на чердаке – вроде бы они и есть, вон бегают, но фиг поймаешь. А это чего не то сболтнешь – и все, обратно это слово не вернется.

– Ладно. – Марина достала телефон. – Иди, лечись, а потом я жду тебя в гости. И это – без вариантов, ты мне за сегодняшнее должен.

– Какие «гости»? – не понял я, с симпатией глядя на двух женщин в белых халатах, подошедших к нам, судя по всему – медсестер, на врачей они не тянули.

– Я живу на этаж выше тебя, – показала Марина на лифт. – Номер моей комнаты узнать невеликий труд. Так что – через недельку-другую заходи вечером на огонек. Надеюсь, ты на цепи у этой своей еще как песик не бегаешь, она тебя ко мне отпустит?

Ну, на этот раз ты банально меня провоцируешь. Или просто она все упрощает, применительно к моему состоянию.

– У-у-у-у, – медсестра ловко заголила мое тело, глянула на повязку с красным пятном и сказала мне:

– Надо к нам подниматься. Носилки спустить, или...?

– Или, – я оперся на подлокотник и встал на ноги.

– Орел, – одобрила Вежлева – Смотри, не улети. Анжела, я позвоню через полчаса, спрошу, как чего.

– Хорошо, – кивнула девушка и подперла меня плечом.

– Никифоров, крепись и помни – ты мужчина, – приказала мне Вежлева, после чего крикнула девушкам на ресепшн:

– Ватник Харитона Юрьевича приберите, но не выкидывайте. Может, он ему дорог как память. И кепочку тоже. Когда придет эта... Как ее... Ну, его спутница, ей отдайте, может хоть стыдно станет. До чего довела мужика, в чем он ходит, стыдоба!

И, выдав эту тираду, она отправилась к лифтам.

– Спасибо, Марин, – повернул я голову в ее сторону, по-

виснув на плечах докториц.

Она, не поворачиваясь, подняла правую руку и сделала ей некое движение, которое можно было истолковать как угодно – от «да пожалуйста» до «куда ты без меня».

– А теперь – пошли, – сказал я девушкам и затопал по мрамору своими кирзачами.

Глава четвертая в которой все помаленьку устаканивается

За что я люблю докториц – так это за их накрахмаленные халатики, которые стимулируют полет мужской фантазии безмерно. Немецкая киноиндустрия приучила почти все российское мужское поголовье к мысли о том, что, если под этим халатом что и есть – так это только очень и очень красивое нижнее белье, причем и того там немного. В результате всякий раз каждый из нас, заприметив стройную фигурку в белом халате, сразу же дополняет в своей голове ее образ такими деталями, что узнай данная сотрудница медицинского учреждения о них, то одной клизмой дело бы не закончилось.

Хотя, может все наоборот, они об этом знают, и потому так загадочно улыбаются и понимающе глядят на нас?

Сестрички, которые осматривали меня внизу, без сомнения были чудо как хороши, но куда им было до той дамы, к которой они меня доставили, надо думать, главного врача в «Радеоне». Вот она отвечала всем высоким критериям, которые я только что перечислил. У нее был белоснежный и не очень длинный халат, открывающий стройные ноги, строгое лицо, белокурые волосы и голубые глаза, спрятанные за

стеклышками очочков в незамысловатой оправе.

– Красив, – окинула она взглядом мою скособоченную и помятую фигуру, а после перевела взгляд на медсестру. – Лена, мы начали заниматься благотворительностью?

Мне стало смешно – это уже даже не смешно. И здесь та же песня начинается? Неужели внешние признаки могут скрыть мою мощную харизму? Хотя, с другой стороны – чего там скрывать-то? Разве только что цинизм непомерный да сарказм неприкрытый. Кстати!

– Доча, – просипел я, напялив на голову кепку, которую прихватил с собой. Ватник – да, оставил на ресепшн, а кепочку захватил. – Настоячки бы мне, рябиновой. Или спиртику, на поправку, а? Ну, пожалей дядю.

В таком виде и с пятидневной щетиной я и впрямь тянул на дядю – завсегдатая пивных. А что тут стесняться? Дело к сороковнику, не мальчик уже. Хорошо хоть волосы еще есть на голове, лысым черепом не сверкаю.

– Смешно, – сказала она и одарила меня белозубой улыбкой. – Вот теперь я вас вспомнила. Я вас видела на встрече Нового года, только с гардеробом вашим там дело обстояло попристойней.

Надо заметить, что в голосе у нее ничего не изменилось, и это мне понравилось. Вот что значит, когда человек занимает свое место – ему не надо подлаживаться к фавориту начальства, в надежде что-то для себя отвоевать. Ему и так хорошо.

– Было дело, отмечал здесь веселый праздник, – подтвердил я уже нормальным голосом. – Что до гардероба – Новый год же, вот и приоделся. А так, в повседневности, ношу что подвернется.

– Бывает, – равнодушно сообщила мне она. – Садитесь на кушетку и рассказывайте, что случилось.

– Перитонит, – я с сомнением посмотрел на свои сапоги. – Может, это, разуться?

– Уверены, что это хорошая идея? – в голосе докторицы проскользнула тень иронии, она с сомнением глянула на мою обувь.

Ну да, что там, внутри «кирзачей», мне неизвестно. Но, думается – не лучше, чем снаружи, кабы не хуже. Еще снять бы их, как бы срезать не пришлось. Помню я, как в армии дело обстояло с такими вещами.

– И то, – поспешно согласился я и, сделав несколько шагов, плюхнулся на кушетку, затянутую плотным целлофаном. – Перитонит у меня был, по какой конкретно причине – не знаю. Мне не говорили, а я не спрашивал. Нет, там звучали жуткие термины, но я их не запомнил. Вот, короче.

Я заголил бок, демонстрируя повязку с красным пятном.

– А вот сейчас глянем, – сообщила мне она, с щелканьем натягивая резиновые перчатки. – Да, меня зовут Жанна Николаевна.

– Харитон, – отозвался я. – Можно без отчества, мне одного имени за глаза.

– Да, родители у вас затейники, такое имя своему чаду дать – это сильно, – признала Жанна Николаевна, подходя ко мне. Она повертела головой и ловко сняла повязку, так, что я даже не зашипел от боли, хотя и собирался это сделать. – У, какая красота. Слушайте, хорошая работа, вам повезло с врачом. И воспаления нет. Но при этом я бы еще пару дней вас подержала в стационаре, во избежание. А еще лучше – деньков пять.

– Меня в той больнице обижали и плохо кормили, – вздохнул я. – Вот я и выписался.

– Сбежал, – уточнила Жанна Николаевна.

– Удалился, – скорректировал формулировку я. – Так скажем – Элвис покинул здание.

– Своим ходом, в жуткой одежде и в халате на голое тело, – тонко улыбнулась она, заметила, что я хочу что-то сказать и быстро произнесла:

– Я не хочу знать детали, увольте меня от них. Мое дело сделать так, чтобы вы дотянули до встречи с Азовым, ваши похождения, несомненно, по его ведомству проходят. Так, теперь все в деталях – когда оперировали, сколько пролежали в больнице, какие лекарства употребляли и так далее.

Я более-менее связно описал ей, что помнил, упомянул и о том, что порядком замерз, а напоследок получил ногой в бок от спешащего на работу клерка, чтоб ему пусто было.

– Прямо авантюрный роман, – Жанна Николаевна склонила голову набок, глядя на мой бок. – По-другому не ска-

жешь.

— Вот так и живу, — я все-таки зашипел — ее холодные пальцы надавили на шов. — Ай-ай!

— Не пищим! — строго приказала она. — Ничего и не больно, меня не обманешь!

Я хотел было возразить, — но промолчал. С такой дамой спорить не стоит.

— Так, а теперь — укольчик. — Жанна Николаевна повернулась к медсестре и отдала ей несколько указаний, в которых фигурировали сложные названия лекарств.

Наверное, мне надо было бы уточнить, что это такое они мне колоть собрались, но, если честно, я так устал, и так меня в тепле размотало, что забивать этим себе голову я не хотел. Окажутся эти красивые женщины врачами-вредителями — да и ладно, от судьбы не убежишь. Чему быть — тому не миновать.

Жанна Николаевна постучала ноготком по ампуле, ловко удалила ее наконечник и через пару секунд воткнула иглу в мой бок.

— Вот и славно, — шприц упал в подставленный медсестрой Леной лоток. — А теперь — мыться, в палату и баиньки.

— Обязательно в палату? — меня и впрямь потянуло в сон. — Может, я к себе пойду? Дома и стены помогают.

— А еще можно кошку на улице подобрать и к вашему боку прижать, — в тон мне продолжила женщина-врач. — Кошки — они всегда больное место на теле человека чуют и исцеляют

его. Не спорим и делаем что сказано. Лена, в душ его, а после на перевязку и в палату. И бок старайтесь не мочить. Да – и вещи на дезинфекцию. А еще лучше – в помойку.

– Портки и сапоги не выбрасывайте, – сонно попросил я. – Мне их на время дали. И кепку тоже. А вот халат – бога ради, его мне не жалко.

Если честно – даже не помню, как после душа меня перебинтовали и отвели в маленький бокс неподалеку от кабинета Жанны Николаевны, засыпая на ходу. И окончательно отключился, как только голова попала на мягкую подушку с пахнущей свежестью наволочкой.

Впрочем, вволю поспать мне не дали, поскольку, когда под дверью начинается ор, сон имеет привычку прерываться.

– Это капец какой-то! – голос Валяева спутать с кем-то было сложно. – Нет, Макс, ты представляешь – он всего лишь часть оперативной разработки.

– А так кричать – обязательно? – Азов говорил куда тише, но и его я слышал более чем отчетливо. – Может, снизим градус театральности?

– Это не театральность, – и то правда, в голосе Валяева злобы было столько, что меня пробрал озноб. – Я понимаю, что у каждого из нас свои цели, но давайте так – дело-то общее, одно на всех. Человек, который лежит за этой дверью, нужен нам всем, и поступать так, как это сделали вы – перебор.

– Я делаю свое дело, вы делаете свое, – невозмутимо от-

ветил ему Азов. – Каждый пользуется тем набором инструментов, которыми располагает. Мне было надо создать ситуацию, в которой я добьюсь своей цели, и она была создана. Вы, по сути, занимаетесь тем же.

– Но при этом мы не рискуем ничьей головой, – вступил в разговор Зимин. – Илья Павлович, то, что сделали вы, напоминает забивание гвоздей микроскопом.

– С вашей точки зрения – возможно, но не с моей. Тем более что он жив-здоров.

– Не благодаря вам! – заорал Валяев. – А только потому, что этот человек везучий как не знаю кто!

Почему я даже не удивлен? Нет, мне приходили в голову мысли о том, что как-то это все нелогично – и с охраной, и со всем остальным. Но вот то, что я часть оперативной разработки – это сильно. А если еще проще говорить – я опять поработал подсадной уткой. Или приманкой, что по сути одно и то же. Господи, как надоело-то. Если бы мне кто-то прогарантировал в данный момент, что в Крылатском не будет того же, я бы туда сбежал, честное слово.

– Ничего ему не угрожало, все было под контролем, – очень медленно сказал Азов. – Там на этаже больных почти не было, сплошь мои люди. Если бы он не развил такую скорость и не проявил такую резвость, то сейчас ужинал бы себе спокойно в своей палате. Киф, ты слышишь меня?

– Слышу, – неохотно ответил я. – Но лучше бы не слышал. На душе было пакостно. Нет, то, что меня играют, я знал

с самого начала, но это хоть как-то лакировалось. Теперь же и этим себя никто не утруждал.

Двери палаты распахнулись, и в нее вошли все три собеседника.

– Прости, что разбудили, – дружелюбно сказал мне Азов. – Это вон, Никита разорался.

– Из всех бед эта самая незначительная, – буркнул я. – На фоне прочего.

– Обиделся, – констатировал факт Азов. – Ну и зря.

– Не зря, – взвился Валяев. – Не зря! А если бы до него все-таки добрались?

– До него бы и добрались, – покивал Азов. – А вот вывести из здания не смогли бы.

– То есть мысль о том, что его попросту пристрелили бы, вам в голову не приходила? – иронично произнес Зимин.

– Ни в коем случае, – помотал головой Азов. – Зачем? Он им живым нужен был. Ну и потом – у него тоже пистолет был.

– Вот-вот! А если бы он сопротивляться начал? – всплеснул руками Валяев. – Или ваши парни замешкались бы? Профессионалу шею человеку свернуть – как вам высморкаться.

– Да-да, и пистолет я бы точно в ход пустил, – подлил масла в огонь я.

– Не успел бы, они тебя сонного схомутать должны были. – Азов досадливо сморщился. – Если бы не этот Иеремия, то и спал бы ты. Нет ведь – приперся за каким-то лешим.

– Иеремия! – аж позеленел Валяев. – И этот пес благочестивый там был? И мне про это никто не сказал? Ну, Илья Палыч, ну вы и гад!

– Был, – немедленно сообщил ему я. – Разговоры со мной разговаривал, с собой звал, а я, дурак, отказался. Знал бы, какое свинство вокруг творится – точно с ним бы уехал!

– Говори, говори, да не заговаривайся, – сдвинул брови Азов. – Что за выражения?

– А что, я должен вас в обе щеки целовать? – понесло меня по кочкам. – Меня там чуть не загасили, я потом по сугробам бегал, в развалинах каких-то, как бомж, сидел. И, если бы не Марина, меня вообще в здание не пустили бы.

– Охрана работала по протоколу, – насупился Азов. – Били тебя? Нет. Грубили тебе? Нет. А что до пинка – так Дениску этого, который тебе в бок ботинком заехал, уже жизни поучили как следует. Без насилия, но с душой, потому что думать надо, что делаешь. А ты – «свинство».

– А все равно это оно, – упорствовал я. – Предупредить могли бы. Мне знаете, как страшно было, когда я этих в черном увидел? Я женщине, между прочим, пистолетом в пузо тыкал, чтобы она меня из больнички вывела.

– Знаешь, что самое забавное в этом? – внезапно засмеялся Зимин. – По сути – ты отмщен. Ты же высунулся, они за тобой припустили, а бойцы Азова к этому не готовы были. Они их вязать собирались на выходе из твоей палаты, но не раньше. Ты на черный ход, эти двое – за тобой, ну, а наша

доблестная СБ – за ними.

– И? – заинтересовался я, со злорадством отмечая, как мрачнеет лицо Азова.

– Ты-то дилетант, а эти-то двое профи были, – тихонько захихикал Валяев, перехватывая инициативу. – Понятное дело, их смутила такая активность больных в ночной тиши, не твоя, в смысле, а других, которые за ними бежали.

– Все, все, – рыкнул Азов.

– Парня в результате завалили в перестрелке, а девка сбежала, – быстро протараторил Валяев. – Вот так-то! И теперь кое-кому отвечать за такие дела придется. А уж сколько денег уйдет на то, чтобы все это замять – у-у-у-у!

– А если в процессе разбирательств по этому делу ты добавишь от себя пару слов про то, как твоей головой неоправданно рисковали, то вообще неизвестно что из этого выйдет, – как-то лениво проговорил Зимин.

– Как неизящно и грубо, – лицо Азова скривилось так, будто он гнилой орех раскусил. – Максим, от тебя не ожидал. Ну ладно Никита, там все ясно, но ты...

– И зря не ожидали, – я спустил ноги с кровати, обнаружил, что на мне нет одежды от слова «совсем» (странным, вроде труселя были), и прикрылся одеялом. – Можно подумать, что ваши разработки изысканны и непредсказуемы. Хотя нет – так оно и есть. Я вот по наивности своей думал, что вы сделали все для того, чтобы я был в безопасности, но убедился в обратном, хотя, как выяснилось, так оно и было

на самом деле.

– Тебе укол какой-нибудь делали? – с уважением глянул на меня Валяев.

– Делали, – подтвердил я, кутаясь в одеяло.

– Забористая штука, надо узнать, как называется, и нельзя ли ее не колоть, а курить.

– Киф, ты не прав, – Азов вздохнул. – Да, внешне это все выглядит неприглядно – то ли как мой непрофессионализм, то ли как цинизм в высшей степени, но оба эти суждения неверны и поспешны. Трудно оценить все происходящее, находясь в его эпицентре и не видя всей картины целиком.

– Я не хочу находиться в центре подобных событий, – зло сказал ему я. – Не хочу! Очень устал от этого всего. Я всего лишь журналист, который ни разу не герой и не боец, который никогда им не был, и быть не собирается. Не из трусости, а просто потому, что ему, то есть мне, это не нужно. В свое время мне как сказали? Есть работа, надо выпускать еженедельник и играть в онлайн-игру, за это мы тебе будем платить денежку. Было такое?

– Тон нагловат, но в данной ситуации ты имеешь на это право, – заметил Зимин. – Да, все так и было.

– Я согласился, а почему нет? – продолжил я. – Деньги нормальные, одно дело привычное, другое вроде как несложное. И, заметим – в обоих случаях особых нареканий по моей работе нет. Ведь нет?

– Нет, – с готовностью подтвердил Валяев. – Правда, со

Странником заминка, но это не твоя вина – наводку ты дал, а то, что у нас лапти наверху сидят – это наши проблемы.

Ух ты. Они его таки упустили? Надо детали будет узнать.

– Потом началась карусель, – я все сильнее взвинчивал себя, понимая, что, может, и зря это делаю. – В меня стреляют, меня бьют, меня похищают, я бегаю по ночным дворам как какой-то спецгент, и, по сути, лишаюсь права жить под крышей дома своего. И при этом раз за разом я становлюсь приманкой для кого-то. Да, мне за это платят и хорошо, но вот какая штука – я деньги во главу угла сроду не ставил, и потом – мне не нужна работа, связанная с повышенным риском, это не мой профиль. Вопрос – и вот зачем мне это все? Чтобы в один прекрасный день все-таки что-то пошло не так, и мне вынесли мозги? В буквальном смысле вынесли, не в переносном.

– По сути своей он прав, – Валяев присел рядом со мной. – Что, братка, сцепило совсем?

– Ага, – ответил я ему, шмыгнув носом. – Живу как собака – ни дома, ни одежды, ни покоя. Что покоя – не помню, когда ел в последний раз по-людски. Меня милиция за бомжа принимает, прикинь? Ниже падать некуда уже.

– Н-да, – Азов как-то непонятно глянул на меня и вышел из палаты.

После этого взгляда мой запал как-то притух, а в голове промелькнула мысль о том, что, может, и не стоило все это вслух говорить? И таким тоном?

– Не менжуйся, – Валяев хотел приобнять меня за плечи, но делать этого не стал, – все-таки обнимать голого мужика – это как-то не слишком правильно. – Ничего не будет, тем более что ты все верно сказал. Нет, Макс, ты только подумай – он знал, что там был Иеремия и промолчал об этом. Даже не попытался его остановить, не говоря о том, чтобы меня туда вызывать. Вот же он... Азов!

– Кит, не мели чепухи, – Зимин посмотрел на закрытую дверь и достал из кармана телефон. – Как он его остановит? Это против правил и может спровоцировать конфликт. Иеремия персона непростая и за ним кое-кто стоит. Он не статист какой-нибудь.

– Никит, а добудь мне какие-никакие портки, – попросил я задумавшегося о чем-то своем Валяева. – Я курить очень хочу, а здесь нельзя.

– Да, здесь нельзя, – обвел глазами помещение Валяев. – Жанна не простит. Она – у-у-ух! Кремень!

– Эта леди Кита шесть раз заворачивала с его непристойными предложениями, – прикрыв микрофон трубки ладонью, сказал мне Зимин. – А на седьмой пообещала ему такую штуку вколоть, что больше никакие женщины ему будут не нужны. Вот же – нет соединения.

Сдается мне, что он Старика набирал. Смех, да и только – и здесь я тоже фигура в чужой игре, одна радость, что в этот раз хоть не пешка. Хотя, по сути, это ничего не меняет – как меня двигали по полю чужие пальцы, так и будут продолжать

это делать.

Но Азов все равно не прав – мог бы и предупредить. Это же совсем другой коленкор получился бы.

– Портки, говоришь. – Валяев встал с койки. – Ладно, пойду, поищу. Макс, выйдем на пару минут.

Они удалились, а я совсем пригорюнился, поскольку никаких приятных сюрпризов в ближайшее время от судьбы ждать не приходилось. Сажу на больничной койке в чем мать родила, и непонятно что дальше будет.

Дверь распахнулась, и в палату вошел... Азов. С пакетом в руке.

– На, – отдал он его мне. – Одевайся.

В этот момент мне стало не то что не по себе, а откровенно страшно. За «одевайся» запросто может последовать «руки за спину, идем вперед», а потом и того хуже – «идем по коридору, не оглядываемся».

– Илья Павлович, – я не спешил брать у него пакет. – Я сказал, что думал.

Ну, а что? Теперь как будет, так и будет.

– Знаю. Одевайся, – приказал он. – Кормить тебя поведу, пока столовая не закрылась. Хоть тут жизнь тебе приятней сделаю.

– Каши, пюре, вареные овощи, можно вареную же рыбу, – слышался из коридора голос Жанны Николаевны. – Исключить спиртное, мясо, твердые сорта колбас.

– Н-да, неправ был, это не жизнь, – Азов покачал голо-

вой. – Но по этому вопросу ко мне точно не должно быть никаких претензий. Эй вы, двое, вас тоже приглашаю. Пошли, разломим хлеб и поговорим как приличные люди. А то все происходящее мне больше напоминает драку леших в весеннем лесу, а они, судя по сказкам, существа вздорные и на редкость беспардонные.

В столовой «Радеона» я оказался впервые, причем, судя по табличке над входом, где значилось «Столовая № 3», их тут было несколько. Эта, надо полагать, предназначалась для руководящего состава – зал был невелик, окна раздачи не было вовсе, зато были официантки.

– Водочки, – попросил у симпатичной кудрявой девушки с накрахмаленной наколкой на голове Азов. – Несите сразу графинчик. Макс, не кривись, тут коньяк не к месту. Так. Еще ассорти мясное, солений каких-нибудь, а вон тому, небритому, рыбы принесите, некостистой. Не ровен час, еще поперхнется, кашлять начнет, швы разойдутся, меня тогда и в этом обвинят. Горячее еще есть?

– Солянка, – порадовала нас девушка. – Бульон с яйцом. А вот рыбы уже нет, если только тоже ассорти. Отбивные есть, бифштекс с яйцом.

– Нет, ассорти не надо, – Азов посмотрел на меня. – Три солянки и один бульон. И четыре бифштекса.

– И хлебушка, – пискнул я. – К бульону.

– И хлебушка, – милостиво разрешил безопасник. – И побыстрее, а то кое-кто вот-вот коньки от голода отбросит.

Ну, я повыступал, теперь пришло время пожинать плоды своей смелости.

Графинчик с водкой, рюмки и хлеб принесли быстрее всего остального.

– Вот тебе хлебушек, а вот пятьдесят грамм, – Азов разлил водку на четверых. – Да не дергайся ты, от одной стопки ничего страшного не произойдет.

– Мне чего-то кололи, – опасливо посмотрел я на рюмку. – А если это дело с препаратом несовместимо?

– Узнал я уже, что тебе кололи, – отмахнулся безопасник. – Пей смело. Или ты настолько мне не доверяешь?

Зимин и Валяев безмолвствовали с каменными лицами.

– Почему не доверяю? – я подхватил емкость. – Я вам с первого дня доверяю. Даже после того, как меня похитили – верил. Даже сейчас, после этой сумасшедшей ночи – верю. Вот только вера – это такая штука, которая изначально есть, но со временем, под грузом новых фактов, может истаять, как снег по весне.

– Неплохо сказано, – Азов приблизил ко мне свое круглое лицо. – Киф, у меня есть дело, которому я служу, и делаю я это так, как считаю нужным. Ты жив?

– Жив, – пробормотал я.

– Значит, делаю я его хорошо. Ну да, выглядит это так, что ты все время вроде как сам спасаешься, но смею тебя заверить – если бы не твоя инициативность и уверенность в том, что кроме себя самого больше рассчитывать не на кого, то

очень многих вещей тебе удалось бы избежать. Например – нынешней прогулки на морозе и поездки на общественном транспорте. А мы сейчас вели бы беседу с парой очень и очень интересных персонажей, которые непременно поведали бы нам кучу всяких любопытностей. Но нет – ты решил, что тебя все бросили, все оставили, полез в гущу событий и в результате выходит, что я плохой, а ты – униженный и оскорбленный. А самое паршивое – результата ноль. Все – впустую. И ты промерз, и я на бобах.

– Ну, не все, – попробовал защититься я. – А Таша?

– Что – Таша? – вскинулся Валяев, завертев головой.

Ух ты. Сдается мне, выводами своими Азов ни с кем не поделился. А я только что его сдал. Может – он прав? Может, я только все порчу и всякий раз лезу не туда, куда надо? Так не со зла же?

– Выпьем, – Азов поднял рюмку. – Результат – нулевой, но мы не в минусе при любых раскладах. Тело одного из этих веселых ребят у нас, а значит, что-то мы да узнаем. Киф – жив и здесь. И еще – мы все должны помнить, что среди нас врагов нет, мы все служим одному делу, просто каждый по-своему и каждый на своем месте. Не будем доставлять радость тем, кто засмеется, узнав о разладе в наших рядах.

– Не знал, Палыч, что ты тосты говорить мастак, – удивился Валяев. – Вот же.

– Я много чего умею делать, просто не афиширую это, – Азов довольно хмыкнул. – Все, прозт!

И мы выпили.

Водка ударила в виски, обожгла горло, потолкалась в пустых кишках, и тут принесли закуски и солянку. И бульон, который на фоне янтарно-оранжевой ароматной красотищи смотрелся как бедный родственник.

– На, – пододвинул мне свою порцию Азов. – Только лимон не ешь, его тебе нельзя.

Из дальнейшей беседы я выпал, активно работая ложкой. Солянка, к слову, была отменная.

– Да налей ты ему еще рюмку, – добродушно сказал Валяев, пододвигая мне свою порцию. – Под такое дело – и не выпить?

– Поздно, – Зимин опрокинул в себя недопитую водку (он опустошал рюмку не целиком, он отпивал из нее только половину). – Надо было сразу вторую наливать.

В двери столовой вошли двое – Жанна Николаевна и Вика.

– Да вон они, – доктор показала на меня, и Вика, несомненно, немедленно зафиксировала графин, рюмки, и, возможно, даже солянку. – Как я и предполагала – выпивают и закусывают. Чего от них еще ждать?

– Так, – Азов подмигнул Валяеву, встал, раскинув руки, и полностью закрыл его своей спиной. – Викуля, ты как всегда прекрасна!

Валяев с ловкостью иллюзиониста заменил тарелку с солянкой, которая стояла передо мной, на бульон и спрятал в

рукав одну рюмку.

– Илья Павлович, ну ведь нельзя же ему! – страдальчески произнесла Вика. – Какого лешего? Он же только-только на ноги встал. И да, это отдельный вопрос – почему он здесь? Что вообще происходит? Мне на ресепшн отдали какой-то жуткий ватник, сказали, что мне стыдно должно быть. Киф, ты что, своим ходом приехал? Зачем? Мы же завтра...

– Стоп-стоп, – выставил перед собой ладони Азов. – Очень много вопросов сразу. Давай последовательно. Почему он здесь? Отвечаю – соскучился наш друг по тебе, да так, что, плюнув на все, похитил ватник у местного сторожа Кузьмы Петровича, да и рванул в столицу, к тебе под бочок. Я все верно говорю, Киф?

– Да, безусловно, – зачерпнул я бульона. Он и остывший был ничего, перчененький.

– Бесспорно, поступок безрассудный, – присоединился к беседе Зимин, поправив галстук. – Но страсть, Виктория Евгеньевна, страсть! Она повелевает мужчинами, она толкает их на истинные безумства!

– Вот помню я в юности, неподалеку от славного города Лилль такое творил! – замахал руками Валяев. – Там, правда, дело не только в женщине было, там и вино свое благотворное влияние оказало, но это не так и важно. Ох, помню...

– Это все прекрасно, – перебила его Вика. – Но почему было бы не позвонить? Где, кстати твой телефон, я тебя на-

бирала раз сто, не меньше, а ты недоступен. Я и в больницу звонила – там какую-то чепуху несут. А если бы шов разошелся? А если бы кровотечение началось? Народ сейчас равнодушный, помирать будешь – не подойдут.

– Что да – то да, – иезуитски закивал Зимин. – Такое, знаете ли, безразличие к ближнему своему в людях появилось. Беда, беда.

– Они вам просто заговаривают зубы, – сказала Жанна Николаевна. – Виктория, кого вы слушаете?

– Мы? – трое функционеров «Радеона» начали переглядываться и делать непонимающие лица. – Мы просто решили накормить нашего друга, нашего старину Кифа, который снова с нами...

– И идет спать, – уточнила Жанна Николаевна.

– Домой, – подытожила Вика.

– Мне нельзя домой, – я поймал ложкой яйцо. – Мне вон, доктор запретила. Сказала, что болеть надо в положенных для этого местах.

– Можно, – милостиво кивнула головой Жанна Николаевна. – Виктория внушает мне доверие, к тому же я живу в этом здании и, если что, очень быстро буду у вас.

– Ловко, – засмеялся Валяев. – Нет, господа, Викусе я палец в рот не положил бы!

– Бэ, – сморщилась Вика. – Я бы и сама тебе этого сделать не дала! Кто знает, куда ты его до этого пихал?

Нет, я неправильно живу, я плохо мимикрирую и скверно

приспосабливаюсь. Четыре месяца назад Валяев для Вики был небожитель, и одна его фамилия, как, впрочем, и фамилия Зимина, наводила на нее священный ужас. А сейчас – общение на «ты» и достаточно демократичные шутки. Вот так надо, а не как я.

– Мы не договорили, но друг друга, надеюсь, поняли? – уточнил у меня Азов. – Киф, еще раз – не всем всё надо знать и не всем всё я рассказываю. Но если что-то обещаю, то это делаю. Кстати, Вика может тебе это подтвердить. Да, девочка?

Вика молча кивнула.

– Илья Павлович, у меня просьба есть, – прожевав яйцо из бульона, обратился я к Азову. – Там, в больнице, женщина есть, немолодая такая, Ангелина Ивановна ее зовут. Она операционная сестра или вроде того. Так вот ей вещи надо бы отвезти, в которых я приехал, это она мне их дала. И еще деньги отдать, на проезд я у нее занимал.

– Много занял? – Азов достал из кармана записную книжку, золоченый карандашик и сделал одним в другой какую-то пометку.

– Пять тысяч, – не моргнув глазом сказал я, проигнорировав Викино: «Ты на лимузине ехал оттуда что ли?». – У меня с собой денег сейчас нет, но я отдам при следующей встрече.

– Это накладные расходы, – деловито заметил Зимин. – Транспортные.

– Оперативные, – проворчал Азов. – Его нахождение там

производилось под моим патронажем.

– А, тогда ладно, – одобрила Вика. – Все, пошли уже.

– Ангелина Ивановна, – повторил я, глядя на Азова. Мне почему-то было очень важно, чтобы она узнала, что со мной все в порядке.

– Я понял, – безопасник разлил водку по рюмкам. – Ладно, еще по одной – и разбегаемся. У всех дела. Жанна, не желаешь?

– Не употребляю, – доктор засунула руки в карманы халата и удалилась.

– Вика, тебе не предлагаю, – Азов посмотрел вслед Жанне Николаевне. – Ты бы, кстати, может таблеток каких у нее взяла обезболивающих? Мало ли как оно ночью с Кифом будет, а у нее препараты от лучших производителей.

– Да? – Вика глянула на меня, погрозила пальцем и побежала за докторицей.

– Вот как-то так, – на столе появилась четвертая рюмка, Азов долил в нее остатки водки из графинчика. – За то, что мы в одной лодке, которую раскачивать не след!

– Но ты нам должен, – тут же уточнил Валяев. – Да, ты действовал в рамках компетенции и даже не опростоволохился, но с Кифом промахнулся, так что...

– Скажем так – если что, я тебя выслушаю, – помолчав пару секунд, сказал Азов. – Как и тебя, Макс.

– Идет, – Валяев чокнулся с ним рюмкой, Зимин поддержал его. – И Кифу ты тоже обязан.

– Вот тут спора нет, – Азов был очень серьезен. – Хотя во всем произошедшем он сам больше всего виноват, но да – один раз я закрою глаза на что-то, или наоборот – что-то для него сделаю.

– Это тебе не игра, – Валяев толкнул меня в плечо. – Это уже кое-что. Все, давайте бахнем, а то скоро кифовская горгона придет.

– Бифштексы, – официантка поставила перед каждым из нас по тарелке с приличных размеров парующей котлетой, на которой красовался кругляш глазуньи.

– Дело, – Валяев закинул в рот водку. – Мясо – это хорошо.

– Не пойду никуда, – плотоядно ощерился я. – Пока не доем. И еще – что там со Странником вышло? Никит, ты вроде что-то по этому поводу говорил? Я же железную наводку дал?

– Да уж, вышло, – невесело засмеялся Валяев, поднял руку и пощелкал пальцами. – Красавица, мнэ-э-э... Освежи графинчик, будь добра. И пепельницу принеси.

– Там все вышло, как у Ильи Павловича, – Зимин достал из кармана сигареты и золотую зажигалку с причудливым вензелем. – Только у него форс-мажор, а нас подвела чрезмерная вера в себя.

– Не томите, – я отрезал кусочек бифштекса и, прикрыв глаза, положил его в рот.

Как же хорошо!

– Мы-то думали, что он убивать этого Раваха будет, как ты – долго и упорно. – Валяев подцепил сигарету из пачки и щелкнул зажигалкой. – А вот и фиг. Он его вообще убивать не стал.

– Это как? – второй кусок бифштекса застыл, не донесенный до рта.

– Вот так. Он выскочил как пробка из шампанского, ша-рахнул Раваха заклинанием, накинуд ему на спину седло...

– Седло? – поразился я.

– Представь себе, – Валяев даже хлопнул ладонью о стол. – Седло! Причем сильно непростое, явно предмет высшего порядка. Так вот – запрыгнул в это седло, подождал, пока на спину к этому червяку залезут его подручные, все четыре Лорда Смерти, которые тоже непонятно откуда взялись, причем не в данный момент, а вообще – по жизни. Ну, натурально, вся эта дружная компания удобно так устроилась, Странник еще одно заклинание гаркнул, пятками червяка в бока ударил, и они все скрылись под песком. Равах их туда утащил, надо полагать – в свои тоннели, уж не знаю с какой целью. И все – исчез опять Странник, как сгинул. Мы даже сделать ничего не успели. И, что примечательно, – червя тоже отследить не смогли, в какой-то момент он как растворился. А через двадцать минут снова выполз наверх как ни в чем не бывало, но уже один, без седока.

Вот тебе и раз. Нет, мне радостно, что Странник снова выкрутился, но ситуация и впрямь непонятная.

– Проще говоря – мы снова в полете, – Зимин тоже закурил. – Киф, ешь и мой бифштекс, если хочешь, я не голоден.

– Но выпьешь? – уточнил Азов, доброжелательно глядя на запотевший графинчик, который принесла официантка.

– Выпью, – кивнул Зимин. – Отчего бы и не выпить?

– Так что, дружище, снова тебе его искать придется, – обрадовал меня Валяев.

– Надо – найду, – я прикончил бифштекс, глянул в сторону двери и чокнулся рюмкой с остальными. – Как только разрешат в игру заходить.

– Да кто тебе это запретит? – удивился Зимин. – Это же не дрова разгружать? Лежишь себе – и лежи, капсула ведь. В ней и датчики есть, если что-то будет не так с твоим здоровьем, то она тебя об этом уведомит. У тебя же модель последней разработки, там все подобное предусмотрено.

– Тогда ладно, – я выпил. – Да и надо мне в игру, там дел полно. И в редакцию надо.

– С редакцией повремени, – погрозил мне пальцем Азов. – До следующей недели.

Я только собрался покурить, как появилась Вика.

– Все, пошли, – она сделала вид, что не заметила четвертой рюмки. – Я все записала, медикаменты взяла. Пошли-пошли.

– И то, – одобрил Азов. – Иди, все одно тебя сейчас в сон потянет снова. И – не держи на меня зла.

– Не держу, – меня и впрямь маленько развезло. – Чего

теперь уже?

Уходя, я услышал вопрос Валяева:

– А что там с этой Ташей из его редакции не так?

Жалко, что Вика шла быстро, буквально таща меня за руку за собой, и что ему на это ответил Азов – я не услышал.

Глава пятая

подтверждающая то, что кадры решают все

И все-таки дома болеть лучше, даже если твой дом находится в офисном здании. Нет, совсем уж хорошо болеть у себя дома, но, с другой стороны, и здесь тоже ничего так. Особенно если учесть то, что бок уже особо не беспокоит, а в холодильнике полно еды, за которой тебе самому в магазин ходить не надо. Лежи себе, смотри телевизор да книжечки читай. Ну, и для очистки совести просматривай материалы для очередного выпуска «Вестника». Последнее, впрочем, уже стало занятием факультативным – машина налажена, и ее движение не требует особого контроля. Другой вопрос в том, что через некоторое время надо будет непременно сделать что-то эдакое, поскольку эффект новизны – он не бесконечен, и тем, кто читает еженедельник регулярно, в какой-то момент может стать просто скучно по сотому разу узнавать про то, что какой-то клан где-то там опять что-то нашел. Людей надо удивлять, это обязательное условие любой масс-медиа.

Может – сделать интерактивный номер? Выпуск – поход по Файроллу, например.

Или раскидать по всему номеру подсказки, собирая кото-

рые игрок попадет в специально написанную для этого локацию? Это вопрос решаемый, попрошу – напишут.

В общем – надо подумать. Хороший медийный проект больше трех лет не работает, это проверено временем. Нам, понятное дело, до трехлетнего срока еще пыхтеть и пыхтеть, но и ровно на мягком месте сидеть не стоит, вкусы публики переменчивы.

На третий день хвори, позавтракав и выкурив сигаретку, я вернулся в комнату и задумчиво прошелся мимо капсулы.

Вообще-то Жанна Николаевна не слишком одобрила то, что я планировал в нее, в смысле – в капсулу, – залезть. Про Вику и говорить нечего, только услышав про это, она замала руками, став похожей на ветряную мельницу, и начала живописать мне разные ужасы, вроде того, что у меня, пока я в игре буду, шов на боку разойдется, и я кровью истеку, даже того не заметив. А она останется даже не соломенной вдовой, а вовсе невесть кем.

Я так и не понял, кого ей жальче будет в этой ситуации – меня или себя, но на всякий случай пообещал не торопиться с визитом в Файролл, при этом не оговаривая сроки, в течение которых не стану форсировать события.

С момента этого разговора прошло два дня, и, как по мне, этого вполне достаточно, чтобы счесть данное мной обещание выполненным. Не торопился? Нет. Не форсировал? Ни в коем разе.

А так, по жизни – пора уже. Вот – пора. Тем более что се-

годня уже пятница, а на выходных с визитом в игру все будет сложнее обстрелять. Нет, я, конечно, могу топнуть ножкой и сказать что-то вроде:

– Кто тута, в доме мужик? Я али ты?

Можно. Но не факт, что воспоследует. Меня убедят, что мужик – я, но с игрой все-таки стоит повременить. Ибо – себя не жалко, меня пожалей. И носиком так – шмыг-шмыг. И в уголках глаз еще слезинки поблескивают. Кто тут не сдается?

А вот сегодня, прямо сейчас – самое то. Надо только подстраховаться. Где мой телефон?

Телефон мне привезли в тот же день, когда я заявился в здание, к вечеру. Не знаю, как и что там решалось, в больнице, мне не говорили, а я не спрашивал. Точнее – спросил только про ту добрую самаритянку, которая меня из нее вывела, мне ответили, что все в порядке, денежку ей отдали и одежду тоже. Надеюсь, так оно и есть на самом деле. Да и какой смысл им в таких мелочах врать? Тем более что проверить – так это на самом деле или нет, у меня возможность отсутствует. Нет, гипотетически можно туда поехать, спросить – но это уже паранойя.

И еще одна вещь, которая неотступно вертелась у меня в голове оба дня, после того, как я в спокойной обстановке все взвесил и разложил по полочкам – зачем Азову весь этот спектакль?

А что это спектакль – я не сомневался.

Точнее даже не так. Те, кто шел за мной – они были настоящие, не подставные, но почему он довел дело до такого градуса? Что ему мешало прихватить этих двух на входе? Он не полиция, ему сам факт совершения правонарушения не важен, они вон, потом перестрелку и труп замять умудрились, чем даже меня, выдавшего виды, удивили, заставив признать, что я их опять недооценил. Что уж говорить о таких мелочах? Да и сомневаюсь я в том, что он информацию из этих двоих стал бы выжимать конституционными путями.

Тогда – зачем? Зачем меня подвергать риску, жертвовать своим человеком на этаже, устраивать пальбу в муниципальном здании? Страшно подумать, что было бы, если бы какая-нибудь пуля-дура попала в больного или медсестричку, тут уже не откупишься, тут пресса такой вой поднимет, мне ли этого не знать.

Какой в этом смысл? Ведь в первую очередь крайним-то становится он сам? Ему сразу скажут:

– Э, брат Азов, совсем ты мух не ловишь.

И это хорошо, если еще такими словами, а ведь может быть и куда хуже, я сам видел, на что способен обитатель полутемного кабинета, который расположен на самом верху этой башни. Что за мазохизм такой моральный? Или это тоже конкурс, вроде «Кто лучше других себя поставит в дурацкое положение»?

При этом я точно знаю – нет тут непрофессионализма, про профнепригодность Азова можно даже не думать. Не удер-

жался бы он столько времени на своем месте, будь он пу-
стышкой, не то тут место, и не то у него окружение. Дилетан-
та, не умеющего просчитывать свои ходы на пять позиций
вперед, здесь сожрали бы моментально, не оставив от него
даже косточек и пары пуговиц с надписью «for gentleman».

Но тогда – зачем это все?

Я хоть сколько-то внятного ответа не нашел, как ни думал.
Может – данных мне не хватало, может – полного видения
всей картины, я же все могу оценивать только со своей ко-
локольни, а у нее не такой уж и большой угол обзора. Так,
кусочек двора и уголок ворот, вот и все, правильно все то-
гда в столовой говорилось. А может – и понимания личности
Азова. Одно мне было ясно – что бы там ни было на самом
деле, мое участие в конкретно этой постановке подошло к
концу, дальнейшее происходит без меня. И слава Богу.

Плохо только, что вряд ли это мероприятие было послед-
ним. Несомненно, Азов это устроил с какой-то своей целью,
и ей почти наверняка является упрочение своих позиций в
«Радеоне» в целом, и в глазах Старика – в частности, тут все
к одному сводится. Следовательно, стоит ожидать ответных
акций со стороны Валяева и Зимина, и как бы мне снова не
получить место статиста, а то и роль второго плана в уже их
постановках. Не хотелось бы.

Но все равно – странный какой-то способ забраться на
ступеньку повыше. Проиграй, чтобы победить? Нет, мне их
не понять.

Да и не надо мне этого делать, с другой-то стороны. У больших людей – большие игры и большие планы, а у меня – свои тихие радости. После того, как помыкаешься в снежно-морозной ночи в кирзачах и халате на голое тело, да посидишь в развалинах какого-то сарая, прикидывая – доживешь ты до рассвета или замерзнешь здесь нафиг, то как-то очень начинаешь ценить те вещи, которые делают жизнь комфортной. Впрочем, эта мысль посещала меня и раньше не раз, после некоторых командировок. Просто человек – он такая сволочь, которая сначала ценит то, что есть, но ровно до той поры, пока к этому не привыкает, и не начинает считать, что оно так и должно быть всегда. А потом его жизнь выписывает очередную «мертвую петлю», лишая этих привычных вещей и делая существование дискомфортным. И тогда человек начинает биться головой об стену, а после прикладывать массу усилий, чтобы вернуть потерянное. Он преодолевает и мучается, наконец-то получает утерянное – и через короткий отрезок времени снова перестает это ценить. И добро еще, если речь идет о вещах, у них нет памяти и есть цена. Но иногда подобное переносится на людей, и тут все может быть куда печальней, ведь люди – не вещи, и у каждого есть определенный порог душевной твердости и точка невозврата отношений.

Так вот – к чему я это? А, да.

Я набрал номер Вики и, выслушав привычное: «Проснулся? Покушал? Не болит бок? Не врешь? Нет, серьезно? Таб-

летку выпил? Еще раз спрашиваю – не болит бок? Температуры нет?», быстро протараторил:

– Я весел и бодр, я готов к свершениям, в понедельник собираюсь в редакцию.

– Нечего тебе тут пока делать, – Вика посопела в трубку. – Отлежись.

– Скучно, – протянул я, ожидая нужных слов. – Я животное общественное, мне социум нужен.

– Ремня тебе надо, – предположила она. – Вот выпишу маму в Москву – узнаешь, почем фунт лиха, общественное животное.

– Выпиши, – не стал спорить я. – Тетя Света – чудо, что за человек. Будет хоть с кем поговорить.

Этим меня было не напугать. Я давно уже смекнул, что Вика смылась в Москву не только за карьерой, но и подальше от мамы.

– Общения надо? – Вика помолчала и наконец произнесла нужную фразу:

– Тогда иди в свою игру, там тебе всего будет в достатке. Только ненадолго.

Вот и славно. Нет, я мог бы и не звонить, и не проводить эту несложную комбинацию, но!

Но тогда все пошло бы другим чередом. Вика раньше или позже набрала бы мой номер и не услышала ответа. Дальше включаются нервы, непременно поднимается на ноги половина «Радеона», а после вечером я созерцаю мою дражай-

шую половину с надутыми губами. И кому от этого будет хорошо?

Нет, я бы мог просто позвонить и сказать – иду в игру, не волнуйся. И получил бы кучу комментариев вроде все тех же: «Смотри, шов разойдется», «Никогда ты меня не слушаешь» и прочей бесполезной словесной шелухи.

Зачем расстраивать тех, с кем мы живем? Может, лучше делать так, чтобы и они были довольны, и мы получали желаемое?

Она сейчас гордится собой, поскольку позволила мне сделать то, что я и без нее бы получил. Но она – разрешила, и это тешит ее тщеславие. И пусть ее.

Зато я проведу сегодняшний вечер с девушкой в прекрасном расположении духа. И кто знает, чем этот вечер закончится? При этом это мне ничего не стоило, вот совсем.

Умение идти на компромиссы – великое умение. Жаль, но не все это понимают.

Впрочем, это все софистика. Пойду, гляну – как там, под виртуальным солнцем, дела идут. Надеюсь, что мне там штрафов не накидали за долгое отсутствие? Костик, правда, обещал, что ничего такого не будет, но кто их, яйцеголовых, знает?

Штрафов мне не накидали, но и солнца я тоже не увидел. Все верно, я же тогда, в свой последний заход в игру, напоследок короля посетил, принес ему благую весть о том, что есть компромат на Мак-Праттов, и прямо там, в коридоре,

«логаут» и нажал. Да, он же мне еще перстенок подкинул, с королевского плеча. Выгодное дело интриги, за них хорошо платят. Надеюсь.

«Перстень Флоры Изменчивой.

Во времена седой старины этот перстень принадлежал одной из отважнейших и хитроумнейших жёниц Пограничья, Флоре Долинс, получившей прозвище «Изменчивая». Никто не знал, как она выглядит на самом деле, поскольку всякий раз она представала в новом облике. Она могла выглядеть королевой и нищенкой, монашкой и пастушкой, жрицей и воительницей. Но всякий раз свои таланты она направляла на одну цель – на процветание Пограничья, всячески помогая ему в борьбе с теми, кто посягал на его независимость. Увы, но удача, которая сопутствовала ей очень долго, в конце концов отвернула от нее свой лик, и отважная женщина отправилась на эшафот в одном из городов Юга.

+ 75 к мудрости;

+ 52 к интеллекту;

+ 28 % к шансу увернуться от удара;

+ 22 % к урону, наносимому противнику при использовании кинжала;

+ 17,5 % к скорости перезарядки умения «Уход в тень» (при наличии онога у игрока)

+ 16 % к скорости восстановления маны (данная характеристика не действует во время боя);

+ 10 % к возможности обнаружить скрытые двери или закопанные в землю сокровища;

Минимальный уровень для использования – 81».

Кстати – ничего так себе перстенок. Не для воина, понятное дело, скорее для вора, или даже мага, но в принципе мне сойдет. Если честно – давно пора озаботиться и кольцами, и гардеробом в целом. Какой там у меня уровень? Семьдесят седьмой? Сейчас пара квестов закроется, то-се – и восьмидесятый на пороге. У меня и цацек пара под него припасена, и полный доспех имеется, который Кро мне до сих пор не вручила в торжественной обстановке.

И даже вроде какой-то клинок заваялся для этого случая, тот, что мне дедушка Хасан вручил. Хотя нет, он на уровень поболее восьмидесятого был. Ну, не суть. Хотя – надо уже ревизию сундука сделать. Валю в него добро, валюту, а посмотреть, что к чему, даже некогда – то одно, то другое.

Я засунул перстень в сумку и повертел головой – коридор был пуст. Я приоткрыл дверь тронного зала – может, король здесь? Нет, пусто.

Мне стало как-то тревожно – может, пока меня не было, тут чего произошло? Переворот там, чума, еще какая напасть? Даже Назира не видать, что удивительно, он ведь всегда вылезал невесть откуда, как чертик из табакерки, когда я в игру входил.

Тревога прошла, как только я вышел во двор и убедился

в том, что там ключом била жизнь. Туда-сюда вышагивали стражники на стенах, в кузне ухал молот, о чем-то друг с другом договаривались мои сокланы, а на ступеньках лестницы сидел рыжий Леннокс и поедал жареную куриную ножку эпических размеров. Назир, правда, так и не появился.

– Все жрешь? – присел я рядом с ним. – И куда в тебя лезет?

– Пока есть возможность – я ей пользуюсь, – прочавкал гэлт. – Давно тебя не было видно. Куда запропал?

– Да так, – передернул я плечами. – То одно, то другое. Путешествовал маленько, дела были.

– Хорошо, что вернулся. – Леннокс облизал жирные пальцы и ухватил зубами кусок сероватого, с кровью мяса. – Король все кланы на уши поставил, говорит, что тебе есть что сказать. Через два дня в Агбердин доберутся последние вожди кланов, те, что живут дальше других, и настанет время для того, чтобы объяснить им, для чего они здесь вместе собрались. Если бы ты не появился, то Лоссарнах потерял бы лицо. И корону, заметь, даже не примерив ее. Хотя я знал, что ты не подведешь. Ты со странностями, не без этого, и люди у тебя такие же, но ты не предатель. Кстати, что-то давно дочка твоей не видно? Ну, той, малахольной, с крыльями? Куда она подевалась?

– К матери уехала, – немного удивившись, ответил я ему. Надо же, даже НПС по ней скучают. Ну ладно, брат Мих или Гунтер. Но этот волосатый жрун – и он туда же.

Может, пора ее вернуть в лоно семьи? Ну, в смысле – клана? Тем более что никто на нее не клюет, как это ни печально, не выгорел мой план.

– Слу-у-ушай, – Леннокс даже жевать перестал. – А ты ее от фэйри прижил, да? Мы с парнями об этом много спорили. Большинство уверены, что с фэйри, но вообще – кто что говорит. А правда, что фэйри в постели искрят, ну, когда ты их того самого?

– Да тьфу на тебя, – поднялся я на ноги. – Вот у тебя мысли какие пакостные!

– Значит, так и есть, – удовлетворенно кивнул головой Рыжий, и снова впился зубами в куриную ножку. – Не иначе, как ты себе чего подпалил, вот и бесишься! И девка потому у тебя такая шепутная получилась. С искоркой в одном месте.

– Слушай, а ты моего Назира не видел? – спросил я у него, уже начиная беспокоиться за своего ассасина. – Что-то нет его нигде.

– Не-а, – рыгнул Леннокс, обгладывая куриную косточку. – Давно не видел.

– О, люди, Хейген вернулся! – послышался чей-то голос снизу. – Привет!

– Привет, – помахал я рукой ребятам и поспешил к ним. Народу было немного – оно и понятно. Будний день, ранние часы. Хорошо хоть кто-то есть.

Кролины не вижу, зато тут Слав, Лирах, Флакки, Сайрин... Так, эту девушку по имени «Лантида» я не знаю, вид-

но – новенькая. И вот этого гнома, по брови в железо закованного, с молотом на плече, тоже не помню. Ник у него – «Маниякс». Ох ты. Хорошо еще, что не «Джек-Потрошитель», однако. Так, еще Гелла, Снуфф... О! Ойголинн. Выполнила, стало быть, Кро мою просьбу.

– Привет, – протянул он мне руку. – Рад, что ты принял по поводу меня положительное решение.

– Почему нет? – ответил я на рукопожатие. – Ты сильный игрок, всегда лоялен к своему клану, и у тебя есть принципы. Уже немало. А где Кро?

– Скоро будет, – ответила Флакки. – Мы тут затеяли сгонять в джунгли Юга, там трехдневный ивент открылся вчера, на поиск сокровищ в заброшенном храме, можно репутации подзаработать и денег. Ну, и опыта, само собой.

– Да, заброшенных храмов там хоть отбавляй, – признал я. – Что есть – то есть.

– Так пошли с нами, – предложил Лирах. – Так оно правильной будет.

– Да мне этот Юг надоел еще тогда, когда я в «Вольных ротах» служил, – положила руку на сердце, признался я ему. – И храмы его, и джунгли.

– А я не знала, что ты в ротах служил, – сказала Гелла.

– У меня богатое прошлое, – доверительно поведал ей я. – Как-нибудь, под светом луны, я поведаю тебе пару историй из своей жизни, и перед тобой откроется мой богатый внутренний мир.

– Не верь ему, – Кролина как всегда появилась внезапно. – Рассказать – расскажет, но только соврет половину. А внутренний мир у него не так уж и богат.

– Или ревнует, или завидует, – пробасил Маниякс. – Зуб даю.

И он довольно ощерился, в косматой бороде блеснули два ряда золотых зубов.

– В твоём случае это звучит как ставка, – заметил я и протянул ему руку. – Мы как-то не познакомились даже. Я – Хейген.

– Да уж понял, – золотозубо улыбнулся гном. – Я – Маниякс.

– Если не секрет? – я повертел пальцами руки. – Ник просто странный.

– Так и бодун после днюхи был сильный, – гном захохотал. – Мне капсулу на неё и подарили, с годом подписки. Мне бы поспать ещё, пивком поправиться, а я регистрироваться полез, вот такой ник и навертел. А потом менять было сначала жалко, потом – лень.

– Ещё к нам присоединилась, вот, Лантида. – Кролина показала на стройную девушку-эльфийку с луком на плече. Лук, кстати, был не из простых – основа его была будто сплетена из листвы, а тетива мерцала голубоватым светом. Серьезный предмет, как бы даже не «эпик».

– Привет, Лантида, – помахал я ей рукой. – Добро пожаловать в наш клан.

Эльфийка немного застенчиво улыбнулась и тоже пома- хала мне рукой.

– Да, – Кро щелкнула пальцами. – Русала помнишь?

– Помню, – подтвердил я. – Нормальный парень. А что такое?

– Он больше не с нами, – деловито сообщила мне Кроли- на.

– О как, – удивился я. – А что так?

– А это он сам нас покинул, – подтвердил Слав, и несколь- ко человек понимающе переглянулись. – По личному реше- нию.

– Чую, много чего я пропустил, – после этих слов люди закивали. – А поподробней? Не то, чтобы я печалился по поводу того, что он теперь не с нами, но хотелось бы понять, что к чему.

– Да он было деятельность здесь бурную развел, – пояснил Лирах, ухмыляясь. – Мол – туда пойдем, сюда пойдем, все подземелья облазим, а после и до Клаторнаха доберемся. Ну, народ и рад – почему нет? Массовик, мать его, затейник.

– Даже я ему поверила, – Кро виновато потупилась. – При- кинь?

– И? – заинтересованно поторопил их я.

– И – ничего, – засмеялась Сайрин. – В один прекрасный момент, когда все собрались отправиться в наш первый рейд в Нейложские копи, он просто не пришел. И вообще больше не появился, а после и учетку свою удалил.

– Ну, и что такого? – не понял я. – Мало ли, что у человека случилось? Всякое бывает. Может, ему жена истерику закатила, вроде: «Или я, или игра»? Или он нейрованну в кредит брал, а выплатить не смог, вот ее и конфисковали приставы.

– Может, и так, – не стала спорить со мной Кро. – Вот только мы много чего сделать для реализации его идей успели, вложились в них деньгами и временем. А он нас просто кинул.

– Не обижайся, – я посмотрел на остальных. – Даже так – не обижайтесь, но это был личный выбор каждого – вестись на это или нет. И потом – он же все это не присвоил себе? Он клану должен не остался? Или я что-то не так понял?

– Ничего он не присвоил, – ответила Кро. – Если бы присвоил – другой разговор был бы.

– Ну, и все тогда, – если честно, я так и не понял, из чего тут дуют драму. Хотя – это с моей колокольни такой вид, а у них может быть и другая точка зрения на это дело, коллективная. – Плюньте да разотрите.

– Да это понятно, – рубанул рукой Слав. – Но все равно... Это как когда кто-то в машине ботинки снимает после длинного дня – вроде и фигня, но пахнет очень неприятно.

– Ощущение, как будто испачкался, а умыться негде, – подтвердила Гелла.

– А в Нейложские копи-то сходили в результате? – полюбопытствовал я, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Ага, – кивнула Сайрин. – Червей убивали, королеву их

прибили. Потом еще помогли тамошним гномам из этого... Как его... Малах-Таргака. Город там такой есть.

А-а-а-а-а, вот оно что! Я глянул на Кролину. Нет, ну вот хитрюшка, все себе на пользу направит. «Гномам из Малах-Таргака». Почти наверняка это не гномы, а гном, и сидит он в интересном таком здании с интересной такой крышей. Репутацию моя замша зарабатывает, до шпиля пытается добраться. Упорная она у меня.

– Молодцы, – порадовался за них я. – А что до Русала... Ушел – и ушел. Был – и нет его, забыли. У каждого есть право покинуть клан тогда, когда он сам того захочет, если у него, конечно, нет задолженности. Тем более что на его место пришли два новых человека, которых лично я рад приветствовать у нас. Кро, вы прямо сейчас отбываете? Пошептаться бы? Народ, не обижаемся.

– О чем речь, – отозвался Лирах. – Мы пока детали еще пообсуждаем.

– Не вопрос, – моя замша соскочила с парапета, на котором, было дело, примостилась как воробушек, и мы отошли шагов на десять в сторону. – Ты где был-то? Обещал дня через три нарисоваться, а сам?

Я было хотел сказать – «заболел», но в последний момент переменял решение.

– В командировку услали, – добавив в голос светлой грусти, поведал девушке я. – Внезапно и вдруг. А потом еще её и продлили, так бывает.

– У меня – не бывает, – со всем пылом бескомпромиссной юности заявила Кро. – Я чего обещаю – всегда выполняю.

– Это потому что ты учишься, а не работаешь, – уточнил я. – Вот пойдешь служить... Хотя – может, и не пойдешь. Сама ты симпатная, и шубка у тебя, как я весь целиком стоит, значит, у папы денежки есть. Так что и вправду, может и не будет у тебя таких заморочек.

– Папа – это папа, а я – это я, – Кро вздернула курносый носик вверх. – Я, как Ленка, сестра моя – сама всего добьюсь.

– Не имею чести знать твою сестру, но заранее ее уважаю, – не отказал себе в удовольствии произнести подобную фразу я. – Не всякий человек от денег убежать будет, не всякий. Ладно, это ваши дела. Ты мне скажи – вот этот поход в джунгли, он вообще надолго? По времени?

– А что? – подобралась как перед прыжком Кро.

– Да есть одна темка, – я прищурил левый глаз. – Надо кое-куда наведаться, причем те, кто пойдут со мной, могут что-то да получить. Ну, лут не обещаю, а вот деяние из редких – почти наверняка.

– Ох, Хейгенище, темнишь ты, – Кро погрозила мне пальцем. – Вот узнаю, что у тебя за квест такой, и...

– И что? – заинтересовался я.

– И не знаю, – опечалилась она. – Убить тебя нельзя, орать – смысла нет, а обливать ледяным презрением бесполезно, ты толстокожий, ты этого даже не поймешь. У всех лидеры как лидеры, у одной меня не пойми что.

– Окстись, болезная, – я приложил ладонь ко лбу девушки. – Уффффф, как чайник на плите, то-то ересь несешь. Я – ангел, не сказать по-другому. Ты вон хоть бы даже Элину вспомни. Вот где клиника-то! Я, по сравнению с ней, вообще погулять вышел.

– Это да, – согласилась она. – Там все совсем плохо. И становится все хуже и хуже, я слышала, что она у «Двойных щитов» карьеру стремительно делает, только способы выбирает для этого не самые лучшие. У нее бойцы из штрафов за «ПК» не вылезают. Прямо расстрельная команда какая-то стала, а не клан.

– Что ты говоришь? – обеспокоился я.

Это плохо. Если у нее башню до такой степени сорвало, то это беда. Единственное, надеюсь на то, что ей сейчас не до меня, при такой-то активной общественной жизни. Правда, надежда эта хиленькая.

– Ну да, – закивала Кро. – Я тут Ветродуя встретила в Эйгене, он мне про это рассказал. Он в «Буревестниках» до последнего был, но тоже свалил, когда эта вакханалия началась. А Элинке, дуре, и дела до того нет, что последние ветераны разбегаются, она пачками отморозь игровую набирает.

– Печально, – констатировал я. – А ты еще на меня бочку катишь. Да и потом – ну какие такие у меня квесты? Я что, в скрытые локации хожу или откапываю элитных монстров, которых никто никогда не видел? Что холм тот вспомни – в нем не протолкнуться от игроков было, что Равах этот...

Его кто хочешь может прибить, если задастся такой целью. И сейчас у меня в планах самое обычное место, куда любой желающий может попасть. Просто я короткую дорогу знаю, вот и все. И не ленюсь.

На самом деле можно было пойти на Айх-Марак и с неписями, что уж тут, но кто их знает, как они себя поведут, когда я пойду внутрь, в замок Повелителя снегов? А если начнут двери рубить? Или еще чего? С игроками все понятно – я ушел, они меня поматерили, поскольку внутрь всем хочется попасть, и начали лепить снежную бабу, чтобы время убить до моего возвращения.

– Слушай, глянь, у меня с ушами все в порядке? – озабоченно попросила меня Кролина, поворачиваясь ко мне боком.

– Все, – подтвердил я. – Остренькие, красивые. Без волос, не то, что у гномов.

– А лапши на них нет? – девушка потеревила мочку. – Щекотно просто, думала, это она свисает.

– Кро, вот клянусь тебе – обычный квест, – начал злиться я. – И вообще – если сейчас не закончишь бухтеть, то тебя я с собой не возьму.

– Всё-всё, – выставила ладошки перед собой девушка. – Верю. Как отцу родному. Куда собрался хоть?

– На вершину Айх-Марака, – застенчиво произнес я.

– Ну да, – вздохнула Кро. – Куда же еще? Самая высокая вершина в Файролле, на которую вскарабкался дай-то бог

десяток игроков, и до которой даже грифоны не долетают.

– Но каждый может попробовать это сделать? – упорствовал я. – Просто не всем везет. Может, и нам не повезет, я же ничего не обещаю.

– Кроме короткой дороги, – уточнила Кролина. – Ладно, детали. Сколько людей с нами пойдет?

– Ты, я и еще четверо, – сразу же сообщил ей я. – Не больше.

– Четверо? – девушка на секунду задумалась. – Слу-у-у-ушай! А чего мы будем портить нашим ребятам запланированную забаву? Пусть они себе в джунгли идут! А я быстренько...

– Не надо «быстренько», – осек ее я, поняв, куда она сейчас загнет беседу. – И четверых богатеньких Буратин – не надо. Ни к чему это.

Нет-нет, продать право на поход с нами тем четырем игрокам, которые некогда помогли мне заполучить топор Дуллаха, может, было бы и выгодно, но вот только не хотелось мне этого делать. Начнем с того, что они тогда меня почти кинули. Нет, они не были обязаны вписываться за меня перед Мюратом, но, с другой стороны – мы ведь вошли в этот холм вместе? Как минимум?

И потом – не очень мне хочется светить перед ними вторым за месяц редким местом, в котором они могут побывать. Один раз – случайность, два – уже совпадение. А третьего может и не понадобится, меня под «колпак» быстрее поса-

дят.

Так что – нет.

– Я только предложила, – немедленно дала задний ход Кро, внимательно глядя на мое лицо. – И все.

– А я отказался. Да, слушай. Скажи-ка мне, прелестная леди – где доспехи, которые были выданы тебе в качестве гонорара за Проклятый Холм?

– В сундуке, – помахала рукой в неизвестном мне направлении Кролина. – В моем.

– А должны они быть в чьем сундуке? – сурово сдвинул брови я. – У меня восьмидесятый уровень на подходе...

– Грац тебя! – скорчила забавную мордашку Кролина. – Ты такой молоде-е-ец!

– Не пыли, – остановил ее я. – Доставь доспехи мне, я их в свой сундук уберу. Подальше положишь – поближе возьмешь.

– Отдам, – уже другим тоном сказала девушка. – Накой они мне, сам посуди? Ладно, давай к делу. Значит – еще четверо? Ну.... Слав.

– Согласен, – кивнул я. – Да, вот что!

Я снова повертел головой и опять не увидел своего верного спутника, к которому привык уже до такой степени, что иногда воспринимал его как свою тень. Мне стало беспокойно, и я спросил у девушки:

– Ты Назира не видела?

– Нет, – Кро наморщила лобик. – Причем давно. Да вот,

как ты запропал – так с того самого времени.

– Странно это, – почесал я затылок. – Но если его нет – то одно место из четырех точно вакантно. Кого еще предложишь?

– Еще Лирах, – загнула второй палец Кро. – Снуфф, он как все гномы, морозоустойчив.

– И Сайрин, – закончил я. – Почему бы и нет? Она прикольная.

– Вот такой у нас лидер, – Кро всплеснула руками. – Вот так он формирует рейд. Он берет не сильных и живучих, а прикольных. Господи ты боже мой, куда я попала, с кем я связалась...

– И Гелла вместо тебя, – хлопнул в ладоши я.

– Какой же ты у нас мудрый, добрый, рассудительный, – не меняя тональности, продолжила девушка. – Самый-самый. Когда идем?

– Сколько по времени ивент идет? – поинтересовался я. – Просто некрасиво выйдет, как у того же Русала – народ собрался, а мы часть его с собой утащим. Да и на твою репутацию это повлиять может. Оно тебе надо?

– Часа два, – прикинула Кро. – Не больше.

– Вот и давай – через два часа жду вас, – я задумался – а где мне их подождать? Хотя – чего тут думать? Убью двух зайцев одним выстрелом. – В Агбердине, в харчевне. Она там одна, не спутаешь. Да, ты там бывала вообще? А то сейчас договоримся, елки-палки, а после – дом пришел, гнома

нет, гном пришел – дома нет.

– Бывала, – кивнула Кро. – Один раз.

– Ну, вот и славно, – я потер руки. – И это – там отдашь мне снарягу.

– Отдам, – Кро сморщилась. – Какой ты жадный, блин!

– А ты скаредная, – не остался в долгу я.

– Такого слова не знаю!

– Купи словарь синонимов, – посоветовал ей я и добавил: – С ребятами тишком поговори, чтобы остальные обиду не кинули.

– А то сама не сообразила бы, – вздохнула Кро и громко крикнула: – Ну что, все готовы?

– Есть такое, – ответило несколько человек сразу.

– Вот и славно!

– Удачи всем! – заорал им я. – Сам бы с вами пошел – да дел полно! Не осрамите честь клана Линдс-Лохен!

– Не осрамим! Само собой! – ответил мне народ. – Давай с нами!

Я помахал им рукой и открыл портал.

Надо заметить, сначала мне показалось, что я ошибся, и вместо Агбердина попал куда-то в Селгар или Мейконг.

Куда девались тишина и патриархальность этого места? Во все мои предыдущие визиты сюда, здесь ничего подобного не наблюдалось.

Город был битком набит гэльтами и игроками, просто под завязку. То тут, то там звенела сталь – воины из разных

кланов вспоминали друг другу древние семейные обиды и немедленно начинали выяснять, кто тогда, пару веков назад, был неправ.

Игроки, частично одетые в горские же одежды, от всего этого получали несказанное удовольствие, тут же образовывали кружок и азартно орали, поддерживая каждый своего фаворита. Иногда их было даже больше, чем членов клана поединщиков.

Мало того – на главной площади стояли шатры, там торговали пивом, элем и горячими мясными закусками. В харчевню же попасть было вообще невозможно – к ней выстроилась огромная очередь.

– А чего тут происходит, а? – подошел я к внешне спокойному игроку с ником «Стаббс», флегматично облизывающему леденец в форме волынки. – Если не секрет?

– Где именно? – уточнил Стаббс. – Если в харчевне – там сейчас вожди кланов что-то обсуждают, туда не попадешь. Это часть какого-то квеста, но какого именно – никто не знает. А если вон там, где тоже народ собирается – так там через час концерт народной музыки будет. Барды клана Мак-Соммерсов и Мак-Магнусов будут петь про подлости людей из клана Мак-Пратт. А потом наоборот – барды клана Мак-Пратт будут...

– Я понял, – остановил я Стаббса. – А народу-то чего столько?

– Так фан, – Стаббс хрустнул леденцом, откусив полови-

ну волюнки. — Там дерутся, тут поют, в национальных костюмах. Почти этнографический парк. А послезавтра вообще большой сход будет, принимать решение станут — быть войне или нет. Говорят, что туда, на этот сход, попасть игрокам будет нельзя, только я в этом сомневаюсь. Нет таких сходов, куда попасть невозможно, особенно, если за живые деньги. А после него война будет. Не нынешняя — стычки да набег, а большое сражение. Говорят, в том году, по осени, такое же было, да только никто про него толком не знал, экая досада. Но нынешнее я не пропущу, да и остальные тоже.

Надо с Костиком поговорить. Выступление на сходе афишировать не хотелось, не надо мне этого. Кстати, насчет публичности сражения тоже еще надо поразмыслить. Пресечь — не получится, это ясно, но, может, выгоду какую с этого выжать удастся?

Я поблагодарил флегматичного Стаббса, нарезал пару кругов вокруг харчевни и понял — мне туда не попасть. Нет, можно было растолкать толпу, высвистеть кого-то из гэльтов, стоявших у входа с мечами наголо и проникнуть внутрь, но это вызвало бы кучу вопросов у зрителей. Вопросы попадут на форум, а его много кто читает. Может, у меня уже мания преследования началась, но светиться я не хочу.

Ничего, все одно совещание кончится, не будут же они там сидеть до бесконечности? Загляну сюда вечером, попозже, или завтра. Но — сделать это надо обязательно, хотя бы для того, чтобы узнать, во сколько я послезавтра выступаю

и как в харчевню попасть через черный ход, чтобы в обход толпы.

Впрочем, два часа пролетели быстро.

Я помотался по Агбердину, проверил почту (ох, сколько там мусора скопилось), посетил кузнеца, что давно следовало сделать, заглянул в гостиницу, где скинул в сундук содержимое сумки и обревизировал коллекцию вещей, которые у меня скопились за это время.

Да, восьмидесятый уровень надо получать, вещей под него у меня уже немало. Может, клан к этому делу привлечь? Походим, покачаемся вместе? Надо подумать будет. Хотя – кто знает, что будет с четвертой печатью? Может, чего подобное и подвернется?

Потом я тоже купил себе леденец, правда в виде длинного горского меча, вкусный, кисло-сладкий, лилового цвета, и именно тут появились мои сокланы.

– Как трогательно! – без тени иронии сказала Сайрин. – Я же говорила, что все мужчины – большие дети!

– Я тоже хочу, – сообщил всем Слав, я молча показал ему на торговца сладостями, и воин направился к нему.

– Все удачно, – Кро была явно довольна жизнью. – Взяли и опыт, и приз. Не первый, третий, но взяли. То есть – попали в зачет. Ладно, давай, обмен открой.

В мою сумку с грохотом свалились доспехи.

– Куда идем-то? – Лираха явно распирали этот вопрос. – Хейген?

– В горы, – протянул я леденец Сайрин. – Доешь, если не брезгуешь.

– Вот еще, – фыркнула девушка и засунула сладость в рот. – Вкусный!

– Так, – потер руки я. – Сейчас я на секунду отойду, потом вернусь, и мы переместимся туда, куда следует. Там все и расскажу.

Я сбегал в гостиницу, мельком рассмотрел доспехи (ай, хороши. Сталь с чернью и золотом, статы убийственные и внешне – красота неземная) и вернулся на площадь, где увидел, что почему-то мои люди встали кружком, из центра которого звучал до боли знакомый голосок.

– А еще выступаю с дядькой Файфом, – вещал этот самый писклявый голосок. – В балладах ему подпеваю, танцую иногда. Вот, думаю выучиться на каком-нибудь инструменте играть. Жить-то как-то надо?

Почему я даже не удивлен, что она здесь? Вспомни, понимаешь, черта...

Глава шестая в которой герой снова смотрит на горы

Маленькая фея стояла в центре небольшого кружка, состоящего из наших с ней сокланов, и тихонько трепыхала крыльями, рассказывая о своем житье-бытье.

Надо заметить, к своему новому образу существования она подготовилась капитально – на ней был килт (и ей явно было все равно, что это мужская одежда), беретка, еще какие-то национальные гэльтские прибаамбасы вроде пестрых гольфов – и все они были цветов разных кланов. Ну да, я столько времени уже ошиваюсь в Пограничье, что начал разбираться в подобных вещах. Что же до феи, то, как видно – где что перепало, там то и ухватила. Интересно – в ней проснулся разум, и она сообразила, что достаточно дорогие вещи, которые ей достались за время жизни в нашем клане, лучше держать до поры до времени в сундуке, или просто оделась соответственно событию? Любая из этих версий имела право на существование.

Как и десять тысяч других, которые тоже могли оказаться верными. Это же Трень-Брень, с ней ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Нет, правда, было бы интересно познакомить это чудо с

мелким гаденышем Тристаном. Интересно, кто бы кого достал первым? С другой стороны – не дай-то бог встретятся два одиночества и друг к другу в гости начнут ходить. Мы же тогда в чистом поле жить будем, от замка камня на камне не останется.

– Привет. – Фея заметила, что взгляды сокланов оторвались от нее, и повернулась в мою сторону. – Я это...

– Ну да, ну да, – я скрестил руки на груди. – Кусочек хлеба себе зарабатываешь честным трудом?

– Не без того, – как-то даже обиделась Трень-Брень. – Не всем дано быть большими и сильными.

– Тебя как сюда-то занесло? – чуть смягчил я тон. – Малышам тут не место.

– Сам ты малыш, – надула губы фея. – Тебя искала. В замке мне появляться нельзя, ты запретил, а в большом городе вероятность встречи равна нулю. А сюда ты все одно придешь, в этом я уверена была, и вот, видишь – не прогадала. Боялась только разминуться.

– Кхм. – Мне стало как-то неловко. Сам не знаю – почему.

– Хейген, – Слав вздохнул. – Это... Вроде поняла она все.

– Ну да, – поддержал его Лирах. – Пять минут уже прошло, как мы ее встретили, а из нас никто ее убить не хочет до сих пор. Это же невиданное дело!

– Да я не для этого! – переполошилась Трень-Брень. – Мне с ним поговорить надо. А вот так, выпрашивать себе прощение – это не по мне. Я хоть и маленькое существо – но с кры-

льями. Так сказать – я фея высокого полета, и самоуважение имею. Даже маленькие люди хотят жить так, чтобы самому перед собой потом стыдно не было. Не всегда, правда, так выходит жить, но стремиться к этому надо.

– Ее давно надо было из клана шугануть, – заметила Кро. – И тогда она давно бы уже человеком стала, а после к нам вернулась. Не в смысле – человеком человеком, а в смысле.... Э-э-э-э-э... Ну, вы поняли.

– В целом – поняли, – подтвердил я. – Так зачем я тебе понадобился, крылатая сказительница?

– Вот и зря ты, – фея засопела. – Меня с удовольствием слушают – и гэльты, и игроки. Прикинь – меня пару раз за непись приняли и даже пытались у меня квест получить.

– Нубы вечны, – философски заметил Снуфф. – Даже если они бродят в высокоуровневых локациях. Как можно игрока с НПС перепутать?

– Можно, – заверила его фея. – Еще как. Ох, видели бы вы их рожи, когда им стало ясно кто я. Такая потеха!

Ну, слава богу. Я-то уж испугался, подумал, что она за ум взялась. Но нет – все та же Трень-Брень. Не иначе как сама НПС притворилась, знаю я ее.

– Так что ты от меня хотела? – перевел я разговор в практическую плоскость. – Не обижайся, но время у нас лимитировано.

– Действительно? – удивился Слав. – Мы спешим?

– Да, – подтвердила мои слова Кро, без особой симпатии

глядя на фею.

Несмотря на ее слова, которые она только что произнесла, пожалуй, она была одной из немногих, кого отсутствие феи в пределах замка оставляло безразличным, а может, даже и радовало. Вот не любила она Трень-Брень, причем с тех самых посиделок в Селгаре, где наш клан на самом деле стал кланом. Я это точно знал, хотя вслух Кролина никогда ничего подобного не говорила. Критиковала ее, ругала, даже орала – это было, но не более того. Никаких интриг она не плела и меня против нее специально не настраивала, это следовало признать.

– Мне бы это, – тем временем фея заперебирала ножками. – Того.

– Пописать? – Сайрин непонимающе посмотрела на нее.

Ей маленькая проказница была в новинку, эльфийка пришла к нам уже после того, как проштрафившуюся фею изгнали из клана. Или вровень с тем, не помню уже. В любом случае – насколько я понял, знала она ее только по устным рассказам, постепенно переходившими в разряд «семейные истории». Ну, это те, которые с удовольствием раз за разом и год за годом рассказывают на торжествах за обеденным столом, с каждым разом умиляясь все сильнее. И ничего, что в основе их частенько лежит что-то неприглядное или даже трагическое, вроде нелепого перелома руки или разбитой машины. Рука срослась, машину новую купили – а история осталась. И вспоминать подробности вроде «Ой, я тогда так

испугалась!» или «А он как мне в бочину... Ё-ё-ё-ё... А я думаю – вот же ты... Тарантас!!!» приятно и трогательно.

Так вот – Сайрин видела Трень-Брень впервые, хотя слышала о ней немало.

– Чего? – подняла на нее глаза фея. – Нет, этого не хочу. А ты кто?

– Я? – мне показалось, что сейчас эльфийка засюсюкает и сделает Трень-Брень что-то вроде «Идет коза рогатая». – Я – Сайрин.

– На сайру похоже, – заявила фея и скривилась. – Никогда ее не любила. Ее, яблочный пирог и заковыристые мужские имена, вроде Ефстафия или Роланда.

– А есть такие имена? Вот ими прямо людей называют? – удивился Снуфф, и я понял, что на самом деле ни черта не изменилось – мы общаемся с этим крылатым недоразумением всего каких-то пять минут, а градус бреда в беседе уже зашкаливает.

– Ближе к делу, – присел на корточки перед феей я. – Чего хотела-то?

– Давай в сторонку отойдем, – посерьезнела она. – Ребята, вы не обижайтесь, просто разговор конфиденциальный.

– Бывает, – добродушно произнес Лирах. – Какие обиды? Он, да и остальные, судя по всему, решили, что фея, несмотря на ее роскошную речь о гордости, все-таки надумала попросить меня о том, чтобы вернуться в клан. Я же в этом не был уверен. Во-первых, я немного знал ее, и сле-

довало признать тот факт, что при всей своей subtilности и легкомыслии, с самолюбием у Трень-Брень все было в порядке. Во-вторых – больно она была серьезна.

Если бы речь шла о возвращении в родные стены, она бы устроила из этого шоу, с криками, слезами и клятвами, которые никогда не будут выполнены, а тут... Нет, здесь что-то другое.

– Ну? – требовательно спросил я у феи, когда мы отошли в сторону, не без труда отыскав какой-то пустынный закуток.

– Погоди, – она осмотрелась, явно убеждаясь в том, что здесь нет нежелательных и не слишком-то видимых свидетелей нашей беседы. – Никого. Слушай, тут такое дело...

– Трень, не тяни кота за хвост, – попросил я ее. – Говори уже что хотела. У нас правда со временем туго.

– Думаешь, это так легко? – как-то даже непривычно зло рявкнула на меня фея. – Это шутить просто, а вот сказать, что тебя, в смысле – меня, кое-кто из наших пытался завербовать – не так и легко.

– Завербовать? – смысл слова мне был понятен, как и то, что все-таки сработал мой капкан. Но слово резало слух, оно было из шпионских романов, но никак не из лексикона маленькой феи из фэнтезийной игры.

– Ну да. – Трень-Брень пощелкала пальцами. – Еще могу назвать это словом «склонить на свою сторону» или «предложила переметнуться в чужой лагерь». У меня словарный запас неплохой, я книжки люблю читать.

«Она». Стало быть – дама. У нас их немного, любопытно знать, о ком речь идет.

– Подробностей хотелось бы, – присел на корточки я, поскольку фее было явно неудобно говорить со мной, задрав голову вверх, а взлетать она не спешила. – И еще – чаще всего говорят – «вражеский лагерь», а ты сказала – «чужой».

– Потому что я не знаю – вражеский он или нет, – честно призналась фея. – Может – да, может – нет. Я ее послала, да хорошо так, от души, вот такая штука.

Так. Я же просил Вахмурку, чтобы он ее проинструктировал. Хотя я там вроде про посторонних говорил, а не про своих, но думалку-то включать надо.

Нет, правду говорят умные люди – хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам. Хотя, если речь идет о Трень-Брень, то и личное участие не гарантирует успеха, чего уж. Да и потом – а кто без греха? Я и не такие косяки упарывал.

– Знаю, что дура, но так, ты знаешь, противно стало. Ладно бы кто чужой, а вот так, своя – это же свинство, – расценила мое молчание по-своему фея.

– Если расценивать твои действия со стороны политической и далеко идущей – то зря ты так, – ответил я ей. – А если с человеческой – то это достойно уважения, особенно с учетом того, что ты вроде как пострадала от меня, и с полным правом могла захотеть мне насолить.

– Знаешь, – помолчав, сказала мне она. – Мы, наверное, долго еще можем друг другу всякие приятности говорить. Я

скажу: «Да ты самый терпеливый, так что правильно все сделал», ты мне что-то ответишь. Только смысла в этом нет, все уже вышло, как вышло, тем более, что я по своей дури сама накосорезила так, что мне потом долго еще стыдно было. Давай я просто тебе имя назову, хорошо? Ты же его сейчас хочешь услышать?

Надо же. Взрослеет девочка, скоро надо будет от нее женихов палками отгонять. Или из рогатки по ним стрелять, стрекозлам летучим.

– Это Тисса, – не дожидаясь моего ответа, негромко произнесла Трень-Брень. – Не ожидал? Вот и я удивилась.

Тисса? Да, этого не ожидал, чего врать. Хотя... Она одна из тех, кто пришел без рекомендации. Впрочем – какая там могла быть рекомендация, кроме меня ее и не знал никто. При этом я и сам ее знал не то чтобы сильно – всего ничего того знакомства было – общение в замке Кэннора, когда я только-только в Пограничье попал, да поход в лес, чтобы бабку Гоуд прибить. При чем она тогда сбежала в самом начале, поняв, что веселой эту прогулку не назовешь.

А третья встреча как раз в духане Ибрагима состоялась, когда я сам её в клан пригласил, а она на это сразу согласилась. Надо заметить, что особо меня это не удивило и не насторожило. Сейчас – да, я на эту тему задумался бы, но сейчас я уже та самая пуганая ворона, которая каждого куста боится. А тогда я был куда более беспечен, да и весь этот клан в тот момент воспринимался не более чем лишней го-

ловной болью и неким баловством.

Жаль. Вот правда – жаль. И того, что Тисса мне вот такую свинку подложила, и того, что Трень-Брень ее послала. Понять, кто именно ее ко мне в клан запихнул, было бы хорошо. Тут ведь вариантов – масса. И Мюрат, который в данный момент может работать на кого угодно, и «Двойные щиты», и Элина.... И даже Сайрус, который вроде особо не маячит на горизонте, но, несомненно, приглядывает за мной.

– Расстроился, да? – Трень-Брень жалостливо посмотрела на меня.

– Есть маленько, – не стал скрывать я. – Причем из-за всего сразу. И что Тисса не такая, точнее – та еще, и из-за того, что ты ее отшила. И еще из-за того, что понять не могу – чего ей от тебя-то надо было? Ты же вроде как в изгнании, какой от тебя прок? Ничего она тебе по этому поводу не говорила?

Очень жаль, что не Вахмурку или Кро она попробовала обработать, те бы выдали информацию четко и по делу, поскольку перед тем как послать ту же Тиссу, они сначала все у нее узнали бы. А тут...

– Это она объяснила, – обрадовалась чему-то фея. – Я ведь сначала вовсе не поняла, к чему она гнет. Она мне сказала: «Тебя все равно простят, Хейген – он отходчивый, и к тебе вообще по-особому относится. Но ты-то не забудешь ведь ничего, ты же не из таких? За такое к себе отношение непременно надо ответную гадость делать. Он тебя не стесняется, с собой часто берет, ты на советах бываешь, много чего слы-

шишь, видишь, ты ведь для них как предмет мебели, тебя даже не замечают. Если ты не шумишь, конечно. Вот ты и не шуми, а внимательно слушай и запоминай, а после то, что запомнила, мне рассказывать будешь, подробно и обстоятельно. Сразу двух зайцев убьешь одним выстрелом – и Хейгену козью рожу состроишь, и подзаработаешь на этом». Ну, не дословно, понятное дело, но как-то так.

– О как, – проникся я. – И вправду – вербовка, как есть. А что посулила в качестве оплаты? Только не говори, что не спросила у нее это, не поверю.

– Спросила, – потупилась фея. – Ну, интересно же. Она мне денежки предложила или предметы, на выбор. Денежки – в реале, настоящие, а предметы здесь, игровые.

Ух ты. Даже так.

– И много денежек? – уточнил я.

– Я не знаю, – фея подняла на меня глаза. – Не стала уточнять, от греха. А вдруг – много, я же тоже человек, могу и соблазниться. А так – не знаешь, и ладно. И про предметы спрашивать не стала, тоже на всякий случай.

Не врет. Вот хоть руку мне руби – не врет. Надо же, как оно бывает в жизни. А я вот не поручился бы за себя в такой ситуации.

– Н-да, – я закашлялся. – И потом ты ее послала. С криками, без?

– Заразой назвала, – расплылась в улыбке Трень-Брень. – И на уши ей тарелку с супом надела, я как раз ужинала в

харчевне. Ой, она так ругалась, когда лапшу с ушей снимала! Никогда бы не подумала, что это такое забавное зрелище!

– Н-да, – проникся я.

– Вот так. – Фея пошаркала ножкой в кожаном сандалике. – Нет, потом-то я сообразила, что поторопилась, но это потом. Когда поразмыслила на досуге.

А-а-а-а! Вот оно что. Просто опоздал Вахмурка с умным советом, видно – запомнил или еще чего.

– Рассказала – и на душе легче стало, – фея и впрямь как будто с плеч гору скинула. – А что ты с ней теперь сделаешь? В смысле – с Тиссой?

– А ничего не сделаю, – сообщил я фее, на мордашке которой немедленно появилась удивленная гримаска. – Зачем?

– Как зачем? – возмутилась Трень-Брень. – Она же не с нами... То есть – с вами! Она же мало ли чего натворить еще сможет?

– Говоришь, что много читаешь, а сама прописных истин не знаешь, – попенял я ей. – В тысяче книжек в таких случаях говорят одно и то же – если известно, что человек соглядатай, то трогать его нельзя. Так что пусть Тисса себе шпионит, мы-то теперь знаем, кто она такая. Вот если мы её разоблачим, то ей будет ни жарко ни холодно, она портал откроет и смоемся. А у нас может появиться и другой шпион, но про него-то мы знать не будем. К тому же она может быть не одна такая, может, еще кто есть, и она нас к нему приведет. Хотя – это вряд ли, в клане народу-то с гулькин нос.

– Она напоследок, когда утерлась, говорила мне что все это шутка, мол – первое апреля не за горами, – сообщила мне фея. – Но видно было, что она расстроилась по поводу того, что не выгорело. И ещё ей, по-моему, стыдно было. Серьезно. Через себя она все это делала, в смысле – через силу. Мне так показалось.

– Ты завтра сделай вид, что ты приняла на веру ее слова о шутке, – попросил я ее. – Пальчиком погрози и скажи что-то вроде: «У, врушка» или что-нибудь подобное. Сама придумашь. И всячески поддерживай у нее иллюзию того, что вовсе ты ей не поверила, в смысле вербовки. Это важно.

– Завтра? – не поняла фея.

– Сегодня у тебя концерт тут, я так понял, – взял я ее руки в свои. – А у нас – дело. А завтра – возвращайся домой, в замок. Будем считать, что ты взялась за ум.

Фея сузила глаза.

– И дело не в том, что ты мне рассказала, – поспешно сказал я. – И не в том, что ты повела себя так, как повела. Просто без тебя там не так весело жить, и так думаю не только я, а и все остальные. Даже НПС. Даже брат Мих, который летающих существ вообще на дух не переносит.

– Кро так не думает, – заметила фея, задумчиво глядя в небо.

– Кро временами вообще не думает, – заговорщицким тоном сообщил фее я. – Только ты ей про это не говори. Свиток портала есть?

– Есть, – Трень-Брень старалась выглядеть равнодушной, но это ей удавалось не полностью.

– И еще, – посуровел я. – Если ты опять будешь вносить хаоса в нашу жизнь больше чем следует или, что особенно важно, трепать языком на всех углах о наших делах....

– Я не дура, – фея тоже посерьезнела. – Точнее – не совсем дура. Все я поняла. Правда поняла. И, чтобы тебе было ясно, зла на тебя не держу, потому что ты был прав. Вот так.

– Дай бог, – и я зачем-то поцеловал ее в щеку. Не знаю зачем.

– Дурак! – вспыхнула фея и, треща крыльями, взлетела. – Это я тебе еще попомню.

Народ встретил меня ухмылками.

– Простил, – утвердительно произнесла Кро и посмотрела вслед улетающей фее.

– Простил, – подтвердил я и заметил, что от этой новости мои сокланы изрядно повеселели. – Ладно, это все прекрасно, но нас ждет интереснейшее место.

– Какое? – поинтересовалась Сайрин.

– А вот увидишь, – пообещал ей я и открыл портал.

– О, вон Айх-Марак, – со знанием дела сообщил Лирах, как только выскочил из синего мерцания и огляделся вокруг. – Я тут был. Ну, не конкретно тут, но гору эту видел.

– Деяние открылось, – радостно сообщила Сайрин. – Ура-ура! Уже удачно сходила! Про чудеса Файролла.

– Как ты до своего уровня доиграла и не открыла «Чуде-

са»? – удивился Снуфф. – Я их уровне на двадцать пятом открыл, когда водопад Семи принцесс увидел.

Речь шла о деянии «Великие чудеса Файролла», и чудес тех было ровно семь, которые игрок должен был увидеть своими собственными глазами. У меня в активе было два – собственно Айх-Марак и мост Трех королей, у которого я это деяние и получил. А вот про водопад я даже не слышал, хотя, судя по уровню Снуффа на момент получения деяния, добраться до него было не слишком и сложно. Ну, игра она на то и игра – что-то само в руки идет, а за чем-то и побегать надо.

– Да вот так как-то, – Сайрин развела руками. – Не сложилось. Хейген, а нам туда, на гору?

– Туда никто не ходит, – авторитетно сообщил Снуфф. – Там делать нечего. На самую вершину просто так фиг заберешься, а риск нарваться у подножия на ледяных чертей или снежных троллей есть, я про это читал.

– Не угадал, – я глянул на вершину Айх-Марака, слепяще-белую, с крошечной черной точкой на самом верху. – Нам именно туда.

– К подножию? – уточнил Слав, подобравшись.

– Не-а, – безмятежно улыбнулся я и ткнул пальцем в гору. – На вершину.

– Да ладно? – Лирах и Снуфф дружно посмотрели на Кролину, та изобразила бровями некое движение, обозначававшее все что угодно, от «Он лидер, ему виднее» до «Бывает, свих-

нулся».

– Если кому неинтересно – пойму и слова не скажу, – искренне сказал я. – Даже портал на обратную дорогу дам.

– Нет, просто амуниция нужна ведь, – Снуфф снова глянул на гору. – Мне рассказывали и, опять же, я читал, что там все по-взрослому – крючья, веревки и так далее. Мы что, прямо вот так полезем?

– Снуфф, ты мне веришь? – напрямую спросил у него я. Прозвучало немного с подначкой, но – куда денешься от нее?

– Верю, – без пафоса, очень по-свойски сказал он. – Просто не понимаю. Вот такой дотошный я человек.

– Дойдем – поймешь, – заверил я его. – Ладно, двинулись, время не ждет. До темноты нам надо у подножия быть, места тут и впрямь беспокойные.

Если честно, у меня вообще мелькнула мысль после слов феи свернуть всю эту экспедицию, все-таки набрать в отряд проверенных временем и делами НПС и уже с ними наверх рвануть. Не то чтобы я перестал им всем доверять, вот так внезапно, всего лишь после рассказа феи, но некое зернышко сомнения на давно удобренную почву упало.

Но потом я рассудил, что даже если среди отряда есть крысюк, то все одно я уже его интерес пробудил. Ну и самое главное – внутрь замка они со мной не войдут, и что там будет происходить – не узнают. А остальное – так, нюансы.

А вообще – одному все-таки проще существовать. И голова ни о ком не болит, и предать тебя никто не может. Вот

я один бегал – и никаких забот не знал. Кабы тогда я в этот лес не поперся и с братцем Эбигайл не сдружился, так жил бы сейчас как у Христа за пазухой, без всех этих заморочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.